Военные мемуары

1941
1942

Герой Советского Союза
Л.М. Павличенко

Я – СНАЙПЕР

В боях за Севастополь и Одессу

Военные мемуары (Вече)

Людмила Павличенко

Я – снайпер. В боях за Севастополь и Одессу

«ВЕЧЕ»
2015

Павличенко Л. М.

Я – снайпер. В боях за Севастополь и Одессу /
Л. М. Павличенко — «ВЕЧЕ», 2015 — (Военные мемуары (Вече))

Книга воспоминаний Героя Советского Союза, знаменитого снайпера Великой Отечественной войны Л.М. Павличенко подробно рассказывает об обороне Одессы и Севастополя в 1941–1942 гг., о фронтовой службе сверхметких стрелков, а также о поездке советской комсомольско-молодежной делегации в США на Всемирную студенческую ассамблею осенью 1942 г.

© Павличенко Л. М., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Слово к читателям 5
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 29
Глава 5 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Людмила Михайловна Павличенко Я – снайпер. В боях за Севастополь и Одессу

Слово к читателям

Герой Советского Союза Л.М. Павличенко – единственная женщина-снайпер, чей личный счет достигает 309 уничтоженных солдат и офицеров противника. Она – в числе наиболее известных у нас в стране и в мире РЯДОВЫХ участников Второй мировой войны. В 1942–1945 гг. на советско-германском фронте распространили более ста тысяч листовок с ее портретом (а Людмила Михайловна была красивая женщина) и призывом: «Бей врага без промаха!» После ее смерти в 1974 году имя Людмилы Павличенко было присвоено судну Министерства рыбного хозяйства СССР, школе № 3 города Белая Церковь Киевской области, где она училась с первого по седьмой класс, одной из улиц в центре Севастополя.

Полная и подлинная биография героини читается как увлекательный роман.

В нем есть трагические страницы, ведь Павличенко, вступив добровольцем в ряды Красной армии 26 июня 1941 года вместе со своим 54-м стрелковым полком, проделала тяжелый путь отступления от западных границ до Одессы. Есть страницы героические: при обороне этого города она за два месяца уничтожила 187 фашистов. Оборона Севастополя прибавила славы лучшему снайперу 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, поскольку теперь ее личный счет возрос до 309 убитых врагов. Но есть и страницы лирические. На войне Людмила встретила свою большую любовь. Храбрый однополчанин, младший лейтенант Алексей Аркадьевич Киценко стал ее мужем.

По решению И.В. Сталина в августе 1942 года комсомольско-молодежная делегация в составе Н. Красавченко, В. Пчелинцева и Л. Павличенко вылетела в США для участия в работе Всемирной студенческой ассамблеи. Комсомольцы должны были агитировать за скорейшее открытие второго фронта в Западной Европе…

Несмотря на запрет, Павличенко вела на войне дневник. Она делала в нем подчас очень короткие записи. Да и не каждый день снайперу удавалось взять в руки карандаш или ручку. Бои в Севастополе отличались упорством и ожесточением.

Выйдя в отставку в 1953 году в звании майора береговой службы ВМФ, Людмила Михайловна вспомнила о своих фронтовых записях. Будучи по образованию историком, она серьезно относилась к мемуарам и считала, что публикация их потребует длительной работы в библиотеках и архивах. Первый шаг к этому она сделала в 1958 году, когда по заказу Госполитиздата написала небольшую документальную брошюру (72 стр.) «Героическая быль. Оборона Севастополя», а затем и ряд статей для разных сборников и журналов. Но это были не воспоминания о снайперской службе, а скорее обобщенный рассказ об основных событиях, которые разворачивались на переднем крае и в тылу Севастопольского оборонительного района с октября 1941-го по июль 1942 года.

После этих публикаций Л.М. Павличенко в 1964 году приняли в Союз журналистов СССР, где она стала секретарем военно-исторической секции московского его отделения.

Тесное общение с коллегами по перу, активное участие в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения привело ее к мысли о том, что книга, написанная старшим сержантом, командиром взвода сверхметких стрелков с достоверным рассказом о многих деталях и подробностях пехотной службы, может быть интересна современному читателю.

К концу 60-х годов стали выходить в свет не только воспоминания крупных военачальников об удачных операциях Советской Армии в 1944 и 1945 годах, но и правдивые рассказы командиров и политработников Красной армии о трудном, даже трагическом начале Великой Отечественной войны. К числу таких книг можно отнести воспоминания И.И. Азарова «Осажденная Одесса» (М.: Воениздат, 1966), сборник «У черноморских твердынь» (М.: Воениздат, 1967), где поместили свои статьи бывший командир 25-й Чапаевской дивизии Т.К. Коломиец и сослуживец Л.М. Павличенко, бывший комсорг 54-го полка Я.Я. Васьковский, мемуары рядового участника Одесской обороны Н.М. Алещенко «Они защищали Одессу» (М.: изд-во ДОСААФ, 1970).

Прочитав их, Людмила Михайловна приступила к работе.

Теперь ей хотелось написать именно о службе снайпера на фронте и подробно обо всем, что связано с этой воинской профессией: методы подготовки, тактика на поле боя и особенно – оружие, которое она отлично знала и очень любила. В 40—50-е годы разглашать подобную информацию не разрешалось. Однако без нее повествование о борьбе сверхметких стрелков с противником был бы неполным. Помня о прежних инструкциях, Павличенко тщательно подбирала материал, искала лучшую литературную форму для своей рукописи. Ей стало ясно, что двадцать лет, прошедшие с окончания Великой Отечественной войны, никак не способствуют скорому воплощению замысла. Многое вспоминалось с трудом, многое из записей оказалось утраченным. Кроме того, немало ценных документов и фотографий из своего архива, а также – личных вещей она уже передала в музеи: в Центральный музей Вооруженных Сил СССР в Москве и в Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя.

К сожалению, тяжелая продолжительная болезнь помешала знаменитой героине вовремя завершить работу и увидеть мемуары снайпера опубликованными. Фрагменты этой рукописи сохранились благодаря усилиям Любови Давыдовны Крашенинниковой-Павличенко, вдовы сына Людмилы Михайловны Ростислава Алексеевича Павличенко.

Бегунова А.И.,

составитель

Глава 1
Заводские стены

Летом 1932 года в жизни нашей семьи произошла значительная перемена. Из захолустного городка Богуслав, что лежит на юге Киевской области, мы переехали в столицу Украины и поселились в служебной квартире, предоставленной моему отцу Михаилу Ивановичу Белову. Он, будучи сотрудником Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), получил должность в центральном аппарате этого ведомства в награду за добросовестное исполнение своих обязанностей.

Человек он был основательный, строгий, преданный службе. Смолоду начав работать слесарем на крупном заводе, он побывал на фронтах Первой мировой войны, вступил в ряды Коммунистической партии – тогда она называлась РСДРП(б), – участвовал в революционных событиях в Петрограде, потом служил комиссаром полка в 24-й Самаро-Симбирской «Железной» дивизии, воевал с белогвардейскими отрядами Колчака на Среднем Поволжье, Южном Урале. Демобилизовался из Красной армии в 1923 году, в возрасте 28 лет. Но привязанность к военной форме сохранил до конца дней, и мы по большей части видели его в одной одежде: габардиновый френч защитного цвета с отложным воротником, с орденом Красного Знамени на груди, темно-синие брюки-галифе и хромовые офицерские сапоги.

Естественно, что последнее слово при семейных спорах – если таковые и случались – оставалось за папой. Но моя добрая матушка Елена Трофимовна Белова, выпускница женской гимназии в городе Владимире, умела смягчать суровый нрав отца. Она была красивая женщина с гибкой, словно точеной фигурой, с пышными темно-каштановыми волосами и карими глазами, которые освещали ее лицо каким-то необычным светом.

Она хорошо знала иностранные языки и преподавала их в школе. Ученики ее любили. Превращая урок в игру, мама добивалась отличного запоминания всех европейских, странных для русского уха слов. Дети у нее не только прекрасно читали, но и говорили.

Так же настойчиво она занималась с нами: моей старшей сестрой Валентиной и со мной. Благодаря ей, мы рано познакомились с русской классической литературой, ибо сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Чехова, Максима Горького, Куприна имелись в нашей домашней библиотеке. Моя сестра в силу мягкого, мечтательного характера оказалась более восприимчива к литературным образам. Меня же привлекала история, точнее говоря – военное прошлое нашей великой страны.

До Богуслава мы несколько лет жили в городе Белая Церковь Киевской области. Там я училась в школе № 3, там беззаботно протекли мои детские и отроческие годы. У нас на улице Привокзальной образовалась дружная компания. Мы играли в «казаки-разбойники», летом катались на лодках-плоскодонках по здешней реке Рось, гуляли в старинном и очень красивом парке «Александрия», осенью совершали набеги на окрестные сады. Я верховодила в ватаге подростков потому, что лучше всех стреляла из рогатки, быстрее всех бегала, хорошо плавала и никогда не боялась затеять драку, первой стукнув обидчика кулаком по скуле.

Дворовые развлечения закончились, едва мне исполнилось пятнадцать лет. Причем кончились внезапно, в один день. Оглядываясь назад, я могла бы сравнить его с концом света, с добровольным ослеплением, с потерей рассудка. Такова была моя первая, школьная любовь. Память о ней осталась со мной на всю жизнь в виде фамилии этого человека – ПАВЛИЧЕНКО.

По счастью, мой сын Ростислав совсем не похож на отца. У него добрый, спокойный нрав и внешность, характерная для членов нашего семейства: карие глаза, пышные тем-

ные волосы, высокий рост, крепкое телосложение. Все-таки он принадлежит именно к роду БЕЛОВЫХ и достойно продолжает наши традиции служения Отечеству. Слава с отличием закончил юридический факультет Московского университета и Высшую школу КГБ. Он с честью носит звание советского офицера. Я им горжусь…

На новом месте в Киеве мы обустроились довольно быстро, стали понемногу привыкать к большому и шумному столичному городу. Отца мы видели мало, он задерживался на службе допоздна. Потому наши задушевные беседы с ним обычно происходили на кухне после ужина. Мама ставила на стол самовар, и за чашкой чая мы могли обсуждать с родителями любые темы, задавать им любые вопросы. Так вскоре и произошел главный разговор.

– Что теперь собираетесь делать, милые дети? – спросил нас папа, медленно попивая горячий чай.

– Пока не знаем, – первой по праву старшинства ответила Валентина.

– Вы должны подумать о работе, – сказал он.

– Какой работе? – удивилась моя сестра.

– О хорошей работе, в хорошем месте, с хорошей зарплатой.

– Но, папа, – возразила я, – у меня только семь классов образования, я хочу учиться дальше.

– Учиться, Людмила, никогда не поздно, – твердо произнес отец. – А вот начать трудовую биографию, причем – с правильной записи в анкете – нынче самое время. Тем более что я уже договорился, вас возьмут.

– Куда это? – капризно поджала губы моя сестра.

– На завод «Арсенал»…

Если двигаться от парка «Аскольдова могила», то слева будет простираться широкая водная гладь Днепра, а справа начнется прямая и не слишком длинная улица Арсенальная (в 1941 году переименована в Московскую. – *Примеч. сост.*). В начале улицы находится здание весьма внушительного вида. Это – Арсенальные мастерские, построенные при императоре Николае Первом. Говорят, сам царь заложил первый кирпич в их фундамент. Стены получились двухметровой толщины, высотой в два этажа и по цвету кирпичей – светло-желтые, отчего местные жители стали называть все строение «фарфоровым».

Однако к тонким изделиям из глины ни мастерские, ни завод, к ним примыкающий, отношения не имел. Основан он был по распоряжению царицы Екатерины Великой и строился долго: с 1784 по 1803 год. Делали на нем пушки, лафеты, ружья, штыки, сабли, палаши, разное военное снаряжение.

В советское время мощное оборонное предприятие освоило еще и выпуск продукции, нужной для народного хозяйства: плуги, замки, пароконные повозки, оборудование для мельниц и сахарных заводов. Работали «арсенальцы» с полной отдачей сил и в 1923 году удостоились награды от правительства Украины – ордена Трудового Красного знамени.

Здание завода мне понравилось с первого взгляда. Оно сильно напоминало крепость. Прямоугольное по форме своей (168 × 135 м), с большим внутренним двором, с башней, с закругленными внешними стенами, где первый ярус украшал крупный дощатый руст, строение это казалось сошедшим с древней батальной гравюры. Не хватало лишь рва под стенами, подъемного моста через него и тяжелых ворот, которые охраняли бы воины в блестящих доспехах.

Нас с сестрой после выполнения некоторых формальностей (например, подписки о неразглашении государственной тайны) причислили к гарнизону сей «крепости». Валентину – нормировщицей, так как ей уже исполнилось восемнадцать и она имела аттестат о среднем образовании. Меня – чернорабочей по малолетству (мне было всего 16) и отсутствию каких-либо профессиональных навыков.

Полгода мне хватило, чтобы войти в ритм заводской жизни и подружиться с самими заводчанами. Меня приняли в комсомол. В мае 1934 года я перешла в токарный цех, где около месяца пробыла в ученицах, затем получила право на самостоятельную работу и скоро достигла квалификации токаря шестого разряда.

Интересное это было время.

«Арсенал» менялся прямо на наших глазах. Поступали новые, уже отечественные станки, монтировалось более совершенное оборудование, вступали в строй новые производственные мощности, реконструировались старые помещения. Заводской люд, видя усилия власти, направленные на рост промышленности, отвечал ей ударным трудом. Кстати говоря, заметно росли и расценки, а ведь все станочники нашего цеха работали по сдельной оплате.

Мне тоже не приходилось жаловаться. У меня был токарно-винторезный станок с коробкой управления скоростями «ДИП300» («Догоним и перегоним капиталистические страны»), выпущенный московским заводом «Красный пролетарий» в 1933 году. Он предназначался для обработки цилиндрических, конических и сложных поверхностей, не только наружных, но и внутренних.

Вот я и обрабатывала.

Как сейчас вспоминается, по большей части – заготовки валов для всевозможных редукторов. За один проход резца снимала от 0,5 мм до 3 мм (и больше) металла. Скорость резания выбирала в зависимости от твердости материала и стойкости резца. В основном у нас применялись резцы из высокоуглеродистой стали. Хотя бывали и другие – с припаянными пластинами из сверхтвердых сплавов вольфрама и титана.

Вьющаяся из-под резца синевато-фиолетовая металлическая стружка до сих пор кажется мне невероятно красивой. Как ни тверд металл, он поддается силе человека. Нужно лишь изобрести такую хитрую машинку…

Наш завод, объединяя людей в труде, предоставлял им возможность с толком проводить свое свободное время. Правда, заводской клуб ярким и богатым оформлением не отличался. Он был небольшим, даже тесным. Впрочем, его помещений хватало для занятий разных кружков: театрального «Синяя блуза», ИЗО-студии, где учили рисовать, кройки и шитья, очень полезного для женщин, планерного и стрелкового. В актовом зале регулярно устраивали замечательные праздничные вечера «Встреча трех поколений», на которых чествовали ветеранов революции и Гражданской войны, молодых производственников, перевыполнявших нормы на 50 и более процентов.

Поначалу я с подругой – она меня уговорила – отправилась в планерный кружок. Об авиации и подвигах авиаторов много писали в газетах. Так что мы с энтузиазмом посещали теоретические занятия и сосредоточенно конспектировали лекции бравого лейтенанта ВВС о подъемной силе крыла. Однако первый же полет с инструктором здорово охладил мой пыл. Когда травяное поле аэродрома быстро-быстро помчалось навстречу и затем вдруг резко ушло куда-то вниз, голова у меня закружилась, к горлу подступила тошнота. «Значит, воздух – не моя стихия, – подумалось мне. – Я – человек сугубо земной и должна опираться на твердую почву…»

Инструктор заводского стрелкового кружка Федор Кущенко работал в нашем цехе и постоянно агитировал молодежь, приглашая ходить в тир. Сам он недавно отслужил срочную службу в Красной армии, увлекся там пулевой стрельбой и уверял, будто в полете пули и попадании ее в цель есть нечто завораживающее.

Парень симпатичный и обаятельный, Федя с подобными рассуждениями подкатывал и ко мне. Однако я помнила полет на планере, который изрядно поколебал мою веру в собственные возможности, хотя в юности – что скрывать! – они кажутся безграничными. Кроме того, я считала завлекательные речи Кущенко обыкновенным волокитством. Мой неболь-

шой, но суровый жизненный опыт подсказывал: с представителями мужского пола следует всегда быть настороже.

Однажды (дело было на комсомольском собрании) мне надоело слушать его сказки. Я ответила Федору в ироническом тоне. Ребята, сидевшие вокруг, оценили мою шутку и начали громко смеяться. Наш комсорг в тот момент читал довольно скучный доклад о работе членов ЛКСМУ по досрочному выполнению цехового квартального плана. Он принял этот смех на свой счет и почему-то очень рассердился. Возникла словесная перепалка между ним и некоторыми присутствующими в зале комсомольцами. В ней применялись красочные эпитеты и неожиданные сравнения. В конце концов, комсорг выставил за дверь меня и Кущенко, как зачинщиков скандала.

Ошеломленные таким финалом, мы с Федором двинулись к выходу. Рабочий день уже кончился, наши шаги гулко отдавались в пустынном коридоре. Вдруг Кущенко сказал:

– Все-таки надо успокоиться.

– Надо, – согласилась я.

– Тогда пошли в тир, постреляем.

– Думаешь, это поможет?

– Конечно. Стрельба – занятие для спокойных людей. Хотя врожденные способности тоже нужны.

– Какие еще способности? – не удержалась я от ехидного вопроса.

– Самые настоящие. Скажем, отличный глазомер или точное ощущение оружия, – ответил он, позванивая связкой ключей, извлеченной из кармана кожаной куртки.

Тир находился на охраняемой заводской территории, прилегающей к главному зданию. Наверное, когда-то это был склад – приземистое, длинное строение с зарешеченными окнами, расположенными почти под крышей. С высоты нынешних моих познаний могу сказать, что тир «Арсенала» в середине 30-х годов отвечал всем необходимым стандартам. Там имелось помещение со столами, стульями и школьной доской на стене для теоретических занятий, небольшая оружейная комната с запирающимися на замок шкафами для винтовок и пистолетов, сейф для хранения боеприпасов, огневой рубеж, позволявший стрелять с упора, с колена, стоя, лежа (на матах). Толстые деревянные щиты с мишенями отстояли от него на двадцать пять метров.

Федор открыл один из шкафов и достал новенькое ружье, не так чтобы длинное, чуть более метра (точнее – 111 см), но с массивной березовой ложей и толстым стволом. Это изделие Тульского оружейного завода было известно в СССР под названием «ТОЗ-8». Его выпускали с 1932-го по 1946 год и вместе с модификацией «ТОЗ-8М» произвели, кажется, около миллиона штук. Надежная, простая в эксплуатации малокалиберная однозарядная винтовка с продольно-скользящим затвором, под патрон 5,6 ×16 мм кольцевого воспламенения сослужила добрую службу не только спортсменам, но и охотникам.

Пишу о ней с теплым чувством, ибо с «ТОЗ-8» началось и мое увлечение пулевой стрельбой, мои университеты сверхметкого стрелка…

Существуют подробные инструкции, которые рассказывают, как надо обращаться с огнестрельным оружием. Конечно, Кущенко мог бы сперва поговорить о них. Однако он поступил по-другому. Просто передал винтовку мне и сказал:

– Знакомься!

Честное слово, я думала, будто «огнестрелы» гораздо тяжелее и держать их в руках трудно. Но это ружье не тянуло и на три с половиной килограмма. При моей привычке устанавливать для обработки на станке порой весьма громоздкие детали не пришлось даже прилагать усилие, чтобы его поднять. Приятна была и холодноватая твердость металла на его стволе и ствольной коробке. Рукоять затвора, отогнутая вниз, говорила о том, что конструкторы позаботились об удобстве для человека, владеющего этим оружием.

Прежде всего, Федор предложил проверить «прикладистость винтовки», узнать, подходит ли она для меня. Тут все сложилось удачно. Затылок приклада уперся в плечевую впадину, кистью правой руки я свободно обхватила шейку приклада и положила указательный палец – а пальцы у меня длинные – на спусковой крючок между первой и второй фалангой. Осталось, наклонив голову направо, щекой прижаться к гребню приклада и открытым правым глазом посмотреть на мушку. Она проходила точно посредине прицельной планки и виднелась ровно на всю свою величину.

– Теперь можно стрелять, – сказал Федор.

– А патроны?

– Одну минуту, – инструктор взял у меня винтовку, зарядил ее и навел ствол на мишень. Раздался громкий звук, точно по железному листу хлестнули прутом. От неожиданности я вздрогнула. Кущенко улыбнулся:

– Ну, это с непривычки. Попробуй, у тебя получится…

Винтовка снова оказалась у меня в руках. Старательно повторив все приемы «прикладывания», я сделала первый выстрел. «Мелкашка» (так мы называли «ТОЗ-8») имела небольшую отдачу. К тому же по совету Федора я крепко прижимала ее к плечу, так что никаких неприятных ощущений не испытала. Кущенко позволил мне выстрелить еще три раза, а потом пошел посмотреть на мишень. Он принес этот бумажный лист с черными кругами к огневому рубежу, где я не без волнения его ожидала, внимательно посмотрел на меня и произнес:

– Для начинающего просто удивительно. Ясно, что способности есть.

– Неужели врожденные? – отчего-то мне захотелось пошутить.

– Вот это точно, – мой первый тренер был серьезен. Никогда раньше я не видела Федю Кущенко таким серьезным…

Занятия в нашем стрелковом кружке проходили раз в неделю, по субботам.

Начинали с того, что подробно изучали устройство малокалиберной винтовки, разбирали и собирали затвор, привыкали тщательно ухаживать за оружием: чистить, смазывать. В комнате с черной классной доской у нас проводились занятия, на которых преподавали основы баллистики. Так, я, к своему большому удивлению, узнала, что пуля летит к цели не по прямой линии, а из-за инерции движения, воздействия на нее силы тяжести и сопротивления воздуха, описывает дугу, да еще и вращается при этом.

Бывали у нас и лекции по истории «огнестрелов». Она началась в XIV веке с ружья с фитильным замком, когда развитие техники впервые позволило использовать метальные свойства пороха, затем появились и получили широкое распространение ружья с кремнево-ударным замком, затем – с капсульным замком. Но поистине революционный переворот случился в конце XIX века: появились магазинные винтовки с нарезами в стволе и продольно-скользящими затворами, что способствовало быстрому заряжанию, увеличению дальности и меткости выстрела.

Вообще ручное огнестрельное оружие представляется мне совершеннейшим творением ума и рук человеческих. При его создании всегда использовались самые новые изобретения. Технологические решения, необходимые для его изготовлении, быстро оттачивались и доводились до производства, измеряемого тысячами и миллионами штук. В наиболее удачных, заслуживших мировое признание образцах, инженерный гений находит свое воплощение в идеальной, законченной внешней форме. Ведь «огнестрелы» по-своему… красивы. Их приятно взять в руки, удобно ими пользоваться. Они заслужили любовь людей, которые пошли с ними на войну, невероятную по своей жестокости. Некоторые (та же трехлинейная винтовка Мосина, пистолет-пулемет Шпагина, ручной пулемет Дегтярева, пистолет «Тульский, Токарева») даже стали своеобразными символами эпохи…

Однако больше всего мои друзья любили стрельбу.

Мы упражнялись в тире, поражая мишени из положения стоя, лежа, с упора, с колена с применением ремня, пропущенного под левую руку. «Мелкашка» имела только открытый секторный прицел с подвижным хомутиком и на конце ствола – цилиндрическую мушку с удлиненным основанием. При такой простоте устройства она тем не менее помогала выработать основные навыки стрелка: быстрое прицеливание, плавный нажим на спусковой крючок, удержание ружья в правильном положении, без «сваливания» его влево или вправо. При начальной скорости пули 310 метров в секунду дальность выстрела у «ТОЗ-8» достигала 1200–1600 метров, но в тире это значения не имело.

Когда наступила весна, мы стали выезжать на стрельбище за город и тренироваться для сдачи нормативов на значок «Ворошиловский стрелок» второй ступени, а в них входила не только меткая стрельба, но и ориентирование на местности, метание гранаты, физическая подготовка (бег, прыжки, отжимания). Эти нормативы мы успешно выполнили и затем приняли участие в городских соревнованиях Осоавиахима по пулевой стрельбе.

Хочу заметить, что наш кружок был лишь одним из нескольких сотен подразделений в структуре «Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству», или – Осоавиахима. Эта массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация появилась в нашей стране в 1927 году и сыграла большую роль в подготовке юношей и девушек к службе в армии. В ней насчитывалось около 14 миллионов человек, которые обучалась в первичных организациях этого общества, осваивая военные специальности от летчиков и парашютистов до стрелков, пулеметчиков, водителей автотранспорта, дрессировщиков служебных собак.

Почетную грамоту, заработанную на соревнованиях Осоавиахима, я поместила в рамку под стекло и с гордостью повесила ее на стену в нашей с Валентиной комнате. Ни моя сестра, ни мои родители всерьез к моему увлечению стрельбой не относились. При наших домашних беседах они любили подшутить над моей страстью к оружию. Я же не могла внятно объяснить им, какая сила влечет меня в тир или на стрельбище, что притягательного есть в предмете, снабженном металлическим стволом, деревянным прикладом, затвором, спусковым крючком и мушкой, почему так интересно управлять движением пули к цели…

В конце 1935 года по комсомольской путевке я попала на двухнедельные курсы чертежников-копировщиков, окончила их с отличием и начала работать в механическом цехе старшим чертежником. Эта работа мне нравилась. Конечно, она отличалась от труда токаря-станочника, но также требовала сосредоточенности и аккуратности. Станки гудели за стеной, а мы в нашем бюро, в тишине, среди кульманов и свертков ватмана, занимались сверкой чертежей, подготовкой их для передачи производственникам. Отношения в коллективе были теплыми. Мое увлечение пулевой стрельбой здесь восприняли с пониманием…

Я очень благодарна заводу «Арсенал».

Проведя почти четыре года в его стенах, я получила две специальности, привыкла работать на предприятии оборонной промышленности, где существовала полувоенная дисциплина, повзрослела, почувствовала себя человеком, способным отдавать себе отчет в своих намерениях и поступках, добиваться поставленной цели. Заводская комсомольская организация также помогла мне перейти к новому этапу жизни: весной 1935 года я получила направление на рабфак при Киевском государственном университете. Потом еще год работала в токарном цехе и по вечерам училась. Затем успешно сдала экзамены и в сентябре 1936-го стала обладательницей студенческого билета исторического факультета КГУ. Таким образом, моя детская мечта исполнилась. Правда, на нашем курсе я была, наверное, самой старшей из студенток.

Глава 2
Если завтра война…

Из-за моего производственного опыта меня выбрали старостой группы.

Эти обязанности наряду с посещением лекций, конспектированием, чтением учебной литературы, составлением докладов для семинаров, написанием курсовых работ, подготовкой к зачетам и экзаменам не казались мне сложными. Определились и любимые предметы: основы археологии и этнографии, история СССР, история Древнего мира, латынь, из двух иностранных языков – английский. Тут вспомнились мамины уроки, и дело пошло очень хорошо. После нормативов на значок «Ворошиловский стрелок» и «ГТО», которые я сдавала на заводе, университетские занятия по физкультуре также никакой трудности для меня не представляли. Студенческое житье-бытье протекало весело и вольно, оставляя много времени для таких развлечений, как походы в кино и театр, эстрадные концерты, художественные выставки, вечера отдыха с танцами.

Кроме того, все мы достаточно интересовались политикой и, например, очень сочувствовали республиканцам в Испании, которые с лета 1936 года вели вооруженную борьбу с местными фашистами и монархистами. Фашистам помогали Италия и Германия. Республиканцам – Советский Союз.

О событиях в далекой южной стране часто и подробно писали наши центральные газеты. Так, прекрасные очерки публиковал в газете «Правда» журналист Михаил Кольцов. Он рассказывал о подвигах бойцов интербригад, о воздушных схватках между летчиками немецкого легиона «Кондор» и нашими пилотами-добровольцами, летавшими на советских самолетах. На ровных пространствах Пиренейского полуострова происходили даже танковые сражения. В них участвовала техника опять-таки трех государств: Италии, Германии, СССР.

Волну возмущения в нашей стране вызвала варварская бомбардировка небольшого городка под названием Герника, расположенного в Стране Басков. Никакой военной необходимости наносить удар по нему не было. Тем не менее в апреле 1937 года более пятидесяти немецких самолетов подвергли нападению поселение, находившееся в руках республиканцев. Налет почти полностью уничтожил его. Погибло много мирных жителей. Впоследствии выдающийся испанский художник Пабло Пикассо, потрясенный этим злодеянием, создал картину под названием «Герника», ныне известную во всем мире. Рассказ о трагедии Герники долго волновал и русские сердца. Но вместе с эмоциями следовало подумать о том, какой будет новая война и когда она подступит к нашему порогу.

Я уже училась на втором курсе истфака, и как-то само собой у меня возникло желание обновить свои навыки стрелка, поскольку теперь они могли пригодиться. Федор Кущенко посоветовал пойти в двухгодичную Снайперскую школу Осоавиахима, которая недавно открылась в Киеве. Туда брали только тех, кто имел удостоверение на звание «Ворошиловский стрелок» второй ступени. Также от поступающих требовали справку с работы или учебы и краткую автобиографию, заверенные в отделе кадров, справку врачебной комиссии о пригодности к военной службе. Требуемые документы я предоставила, и меня приняли. Вскоре стало понятно, что в этом учебном заведении у меня есть все шансы подняться на новый уровень в обращении с ручным огнестрельным оружием.

Занятия проходили два раза в неделю: в среду с шести часов вечера до восьми и по субботам, с трех часов дня и до шести часов вечера. Нам вручили удостоверения, которые служили пропуском на охраняемую территорию Школы, а также потребовали приходить на занятия в темно-синих гимнастерках, выданных здесь же. Все это напоминало армей-

ские правила, но мы не роптали, а наоборот – прониклись сознанием серьезности – и нашей ответственности – при будущей учебе.

Скажу несколько слов о программе Снайперской школы.

Она действительно готовила сверхметких стрелков для службы в Рабоче-крестьянской Красной армии. На политзанятия отводилось 20 часов, на строевую подготовку – 14 часов, на огневую подготовку – 220 часов, на тактическую – 60 часов, на военно-инженерную – 30 часов, на рукопашный бой – 20 часов. Испытания по пройденной программе занимали 16 часов. Курсантов, сдавших выпускные экзамены на «отлично», включали в особые списки в гор- и райвоенкоматах, периодически вызывали на переподготовку, на соревнования по пулевой стрельбе разных уровней. В общем, не упускали снайперов из вида, заботились о них, но все-таки до Великой Отечественной войны настоящих асов, мастеров, поражающих цель с первого и единственного выстрела, у нас в стране насчитывалось немного. Может быть, тысячи полторы…

Первое же занятие по огневой подготовке показало, что упражнения в нашем заводском кружке были лишь прелюдией к стрелковому делу, очень полезной, но явно недостаточной. С благодарностью вспомнив о моей подружке «мелкашке», я взяла в руки армейскую магазинную винтовку Мосина образца 1891/1930 года, часто называемую «трехлинейкой». Конечно, она была тяжелее (вес без штыка – 4 кг), длиннее (1232 мм) и рассчитана под патрон 7,62 × 53Р мм, при начальной скорости пули 865 метров в секунду и дальности стрельбы в 2000 метров. «Треха» имела менее удобную, чем у «ТОЗ-8», шейку приклада, при выстреле сильнее отдавала в плечо, из-за большего ее веса и длины вести огонь из положения стоя мне, например, было тяжело.

Но это не значило абсолютно ничего.

Обычную винтовку Мосина, которая находилась на вооружении рядового состава РККА, мы должны были знать, как свои пять пальцев, и потому определенное количество времени (10 часов) посвятили изучению ее устройства. Понемногу я привыкла к «трехе», могла с закрытыми глазами разобрать и собрать ее затвор, состоящий из семи деталей. Ее открытый секторный прицел с метрической шкалой и подвижным хомутиком, мушка с круглым намушником позволяли добиваться неплохих результатов при стрельбе.

Снайперская винтовка отличалась от стандартной лишь несколькими деталями. Во-первых, у нее над стволом был установлен оптический прицел Емельянова («ПЕ») – довольно длинная металлическая трубка (274 мм при весе 598 г) с двумя барабанчиками для регулировки. Во-вторых, из-за этого приспособления патроны не поступали в патронник из магазинной коробки, их следовало вкладывать туда по одному. В-третьих, рукоять стебля затвора сильно отгибалась вниз. Имелись и невидимые глазу отличия: стволы для «снайперок» изготавливали из лучшей стали, для большей точности обрабатывали на прецизионных станках, собирали эти винтовки вручную, пристреливали особым образом.

В конце моей учебы в Снайперской школе, то есть в 1939 году, нас познакомили с новыми образцами стрелкового вооружения, поступившими в Красную армию. Это были самозарядные (автоматические) винтовки Симонова (АВС-36) и Токарева (СВТ-38). Принцип действия их автоматики строился на использовании пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по каналу ствола. Винтовки имели отъемные коробчатые магазины на 10–15 патронов. Единственное, что вызывало сомнения у нас и наших наставников, – большое количество деталей в «АВС» и «СВТ», а также устройство их механизма, весьма сложное по сравнению с изделием капитана Мосина…

Запомнилась первая лекция по предмету, именуемому «Краткие основания стрельбы», на который в программе отводилось 25 часов. Мы сидели в классе, когда туда вошел худощавый, среднего роста человек лет сорока с заметным шрамом над левой бровью. Дежурный крикнул: «Встать! Смирно!» Преподаватель представился нам: «Потапов Александр Влади-

мирович» – и коротко объяснил, чему собирается нас учить. Потом, помолчав, обвел строгим взглядом аудиторию и сказал:

– Слышал, что вы стреляете неплохо. Однако запомните: хороший стрелок – это еще не снайпер…

Так началось наше общение с «Потапычем», старшим инструктором Школы. Мы узнали, что он начинал действительную военную службу еще в императорском лейб-гвардии Егерском полку в Петербурге, где стрелковая подготовка нижних чинов была поставлена образцово, за подвиги на германском фронте в 1915 и 1916 годах заслужил два солдатских «Георгия» 3-й и 4-й степени, а также чин унтер-офицера. В Гражданскую войну Потапов уже командовал ротой в пехотном полку у красных и получил тяжелое ранение при форсировании Сиваша. В 1929 году его откомандировали из полка на Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна. Там начала работать первая в нашей стране группа по изучению снайперского дела. Но служить в армии инструктором снайпинга ему не довелось: дала о себе знать старая рана, и комбата Потапова комиссовали вчистую. Зато Осоавиахим приобрел нужного специалиста.

Кстати говоря, киевская Снайперская школа этой общественной добровольной массовой военно-патриотической организации, так же, как и московская и ленинградская, славилась не только хорошим материально-техническим обеспечением, но и отлично подготовленным преподавательским составом. Александр Владимирович Потапов был большим энтузиастом стрелкового дела, знатоком и страстным любителем оружия, особенно – трехлинейной винтовки Мосина образца 1891/1930 года. Свой опыт, наблюдения и размышления о философии снайпинга он изложил в небольшой брошюре «Наставление для метких стрелков», изданной в Киеве.

Бесспорно, «Потапыч» был прирожденным педагогом. Он наблюдал за курсантами пристально не только на лекциях, но и при занятиях в тире. Он считал, что теоретические знания и стрелковая практика, само собой разумеется, совершенно необходимы. Но они недостаточны для воспитания настоящего профессионала. У него должен быть не только отменный глазомер (это дается человеку от природы благодаря индивидуальными особенностям строения его глазного яблока). Ему нужен и особый характер: спокойный, уравновешенный, скорее флегматичный, не склонный к приступам гнева, веселья, отчаяния или – чего хуже! – истерии. Снайпер – терпеливый охотник. Он делает всего один выстрел, однако за промах может заплатить своей жизнью.

Потапов предупредил, что через месяц отчислит тех, кто – по его мнению – неспособен усвоить хитрую снайперскую науку. Это нас огорчило. Но его педагогические методы по-прежнему вызывали уважение. Даже можно сказать, что он нам нравился. Потому мы старались изо всех сил. По крайней мере, я старалась. Кроме меня, в группе занимались еще две представительницы слабого пола. С нами он держался подчеркнуто вежливо, однако эта офицерская вежливость всех нас, девушек в возрасте 19, 20 и 22 лет, не радовала, а пугала. Мы подозревали, что будем первыми кандидатами на вылет.

Но вышло по-другому.

С темно-синими гимнастерками Осоавиахима расстались несколько грубоватых парней, в том числе – трое, имевшие удостоверения «Классный стрелок РККА». Потапов объяснил, что разделению своих учеников на женщин и мужчин он не придает большого значения и уверен: к работе снайпера женщины – не все, конечно, – приспособлены лучше. Они выносливы, наблюдательны, у них обостренная интуиция, заложенная самой природой. Пройдя курс венного обучения, женщины четко выполняют все инструкции, к процессу стрельбы относятся вдумчиво и аккуратно, а уж в деле изобретательной маскировки, столь важной на поле боя для сверхметкого стрелка, им просто нет равных.

От похвал старшего инструктора голова могла закружиться у кого угодно. Но Александр Владимирович не давал нам времени на приятные переживания. К оставшимся в группе курсантам он стал относиться строже, придирчивее и внимания каждому из нас уделял больше. Он говорил о таких тонкостях ремесла, о которых мы бы никогда и не задумались. Например, заставлял вести наблюдение за стройкой – а строили трехэтажное здание средней школы № 25 на улице Владимирской – и потом рассказывать ему, что за два часа успели сделать рабочие, как изменилась ситуация на объекте, где появились новые двери и оконные проемы, марши лестниц, простенки, с какой позиции удобнее сделать выстрел, чтобы нейтрализовать, предположим, прораба, бегающего по мосткам с этажа на этаж.

Медленно, но неотступно Потапов приучал нас внимательно наблюдать за окружающим миром, зорко, словно бы в окуляр оптического прицела, рассматривать детали и подробности нашей быстротекущей жизни, по мелочам угадывать образ целого. При таковом подходе что-то утрачивало прежнее значение, отступало на второй план и сливалось с фоном. Что-то становилось очень важным. Как будто увеличенные линзами черты выявляли истинную сущность каждого нового предмета.

Впрочем, иногда казалось, что Дорогой Учитель ко мне придирается.

Бывало, столкнувшись с каким-нибудь заданием, не поддававшимся быстрому исполнению, я начинала горячиться. Меня злила необходимость тратить больше времени и сил на дело, которое на первый взгляд представлялось совершенно обычным. Потапов останавливал тренировку, начинал спокойно, настойчиво и даже нудно все разбирать, объяснять, указывать на допущенную ошибку, следить за тем, как я ее исправляю. Я удивлялась, отчего он так возится со мной. Старший инструктор отвечал:

– Кому многое дано, с того много и спросится…

Не имея цели рассказывать здесь обо всем комплексе знаний и умений, необходимых снайперу (штатским людям это абсолютно ни к чему), упомяну лишь о том, что кроме практической стрельбы в Школе большое внимание уделяли теоретическим занятиям. Нас знакомили с законами баллистики, в частности, давали понятие об «одной тысячной», учили быстро рассчитывать расстояния для стрельбы по специальной формуле, определять дальность по угловым величинам, по базе оптического прицела «ПЕ», по сетке бинокля и перископа, объясняли явление деривации (отклонение вращающейся пули при полете к цели в сторону от плоскости стрельбы). Также мы заучивали разные таблицы. Например, таблицу превышения средних траекторий при стрельбе из винтовки Мосина патронами с «легкой» и «тяжелой» пулями и т. д. и т. п.

За четыре месяца занятий наша группа сдружилась. Пришла весна, и мы все вместе стали выезжать не только на стрельбище, но загород, где неугомонный Потапов устраивал дополнительные занятия по предмету «Приемы маскировки». На какой-нибудь дальней поляне курсанты расстилали скатерть, ставили на нее бутылки с ситро и лимонадом, раскладывали всевозможную снедь, взятую из дома. Старший инструктор читал лекцию и на живой природе демонстрировал нам, как надо маскироваться. Действительно, случалось, что мы не могли его найти полчаса и более. Тогда кричали, что сдаемся, и Дорогой Учитель появлялся перед нами в каком-нибудь немыслимом желто-зеленом балахоне с капюшоном, украшенном обрывками ткани, сухими веточками, пучками травы.

Кроме того, в лес мы обычно брали одну «снайперку» и проводили игру под названием «Донышко». После походного обеда, когда бутылки с напитками пустели, одну из них укрепляли в рогатине боком и горлышком вперед на расстоянии метров двадцати-тридцати от стрелка. Следовало одним выстрелом выбить в ней дно, то есть пуля должна была точно войти в горлышко и, не повредив бока стеклянного сосуда, выйти через дно, которое при этом разрушалось.

Первую бутылку обычно выбивал сам Потапов. Потом передавал ружье одному из учеников, и соревнование в меткости и сноровке начиналось. У нас учились весьма амбициозные ребята, в основном очень молодые, которые желали во что бы то ни стало ходить в лидерах и удостоиться похвалы «Потапыча». Но стрелять приходилось, во-первых, с колена, то есть опираясь коленом правой ноги в землю и сидя при этом на каблуке. Во-вторых, удерживать винтовку с помощью ремня, пропущенного под согнутый локоть левой руки. Ею стрелок упирался в левое колено и держал цевье ружья, сдвинув кисть ближе к дульному срезу. Все это требовало силы, устойчивости, хорошего баланса.

Тот, кто промахивался, выбывал из игры под шутки и смех присутствующих. Тех, кто побеждал, Александр Владимирович награждал: вручал маленькую шоколадку с разными забавными пожеланиями. У меня некоторое время не было полной уверенности в своих силах. К тому же я не люблю красоваться, быть в центре внимания, ибо один из постулатов, внушенных нам Дорогим Учителем, гласил: «Быть на виду – опасно. Сверхметкий стрелок неуязвим, пока он никому не виден».

Настал тот день, когда Потапов передал винтовку именно мне.

Смирив волнение, я взяла оружие, привычно уперла его приклад в плечевую впадину, положила указательный палец на спусковой крючок и, прижав щеку к гребню приклада, правым глазом посмотрела в окуляр оптического прицела. «ПЕ» давал четырехкратное увеличение. Но даже при нем горлышко бутылки, замершее между тремя черными линиями, казалось лишь жирной точкой. Оставалось рассчитывать на интуицию, на то «чувство цели», которое вырабатывается у снайпера в процессе тренировок.

Долгое прицеливание – обычная ошибка начинающих. Но я давно избавилась от этой ошибки. Так что все произошло точно по инструкции, то есть в течение восьми секунд. Задержка дыхания, прицеливание, выдох с плавным нажатием на спусковой крючок. «Снайперка» отозвалась громом выстрела и толчком в плечо. Бутылка по-прежнему сияла белыми боками на солнце, а вот донышка у нее… не было!

– Молодец, Людмила, – сказал мне старший инструктор. – Повторить сможешь?

– Ладно, давайте, – согласилась я, ибо мною овладел азарт.

Потапов понял это и усмехнулся.

– Спокойнее, девица-краса-длинная коса, – так старший инструктор иногда шутливо обращался к нам, девушкам, учившимся в его группе. – Все шансы на победу у тебя есть.

Ребята быстро установили в рогатине новую бутылку. «Потапыч» подал мне патрон с «тяжелой» пулей, и я, открыв затвор, вложила его в патронник. Конечно, механизм сработает без отказа. Я нажму на спусковой крючок, и ударник под действием боевой пружины резко выдвинется вперед. Его конец, похожий на жало змеи, проткнет капсуль-воспламенитель, расположенный на дне патрона. Пороховой заряд в нем взорвется, пуля, закрепленная в латунной гильзе круговым обжимом, наконец-то получит свободу…

День выдался солнечный, погожий, и пули, покоряясь моей воле, летали отлично. Три «донышка» – с таким счетом кончились для меня эти соревнования в лесу. Старший инструктор на зависть другим курсантам подарил мне не только шоколадку, но и свою книжку «Наставление для метких стрелков» с автографом: «Людмиле Павличенко, моей способной ученице, на добрую память. А. Потапов». Я не очень-то согласна с подобной формулировкой. Все-таки способности, они – от природы, то есть врожденные, – но в деле сверхметкой стрельбы к ним надо прибавить твердость характера, трудолюбие, прилежание, выдержку, настойчивое желание учиться.

Выпускные испытания в Снайперской школе я прошла с достойными результатами. В свидетельстве о ее окончании, отпечатанном на мелованной бумаге и украшенном круглой гербовой печатью, имелись названия предметов и оценки. Черные буквы складывались в строчки, для меня лестные: практическая стрельба – «отлично»; устройство ручного

огнестрельного оружия – «отлично»; тактическая подготовка – «отлично»; военно-инженерная подготовка – «хорошо». Наш выпускной вечер был непринужденным, шумным, веселым. Мы говорили о будущем. Многие ребята собирались поступать в военные училища. Девушки планировали заниматься пулевой стрельбой в системе Осоавиахима, участвовать в соревнованиях, бороться за присвоение звания «Мастер спорта СССР».

Однако шел 1939-й год.

Первого числа сентября месяца фашистская Германия напала на Польшу, и так началась Вторая мировая война. Поляки оказывали сопротивление захватчикам, но уже 8 сентября немцы подошли к Варшаве. Ее оборона продлилась… двадцать дней. Затем правительство бежало в Румынию, а территорию Польши полностью оккупировали немцы. В апреле 1940 года фашисты вторглись в Данию и в Норвегию. Норвежцы с помощью англичан и французов продержались два месяца, но в июне капитулировали. Настал черед Бельгии и Франции. Наступление немцев началось 20 мая, а 28-го большая часть бельгийской армии уже положила оружие. После окружения под Дюнкерком союзных англо-франко-бельгийских войск англичане 4 июня 1940 года удрали с европейского континента на свой остров, оставив победителям всю артиллерию и танки, более 60 тысяч автомашин, до полумиллиона тонн военного имущества и боеприпасов, а также около сорока тысяч солдат и офицеров пленными. Потомки доблестных солдат императора Наполеона Бонапарта 22 июля того же года сдали фрицам Париж… без боя!

Действительно, «блицкриг», то есть «быстрая война».

Наблюдая за стремительными перипетиями в Европе, мы не могли не думать о том, что агрессор рано или поздно обрушится на наше первое в мире государство рабочих и крестьян. Мой отец, по роду своих занятий располагая конфиденциальной информацией, все чаще при традиционных вечерних чаепитиях говорил нам о приближении трудного времени. Я возражала ему, утверждая, что «…от тайги до британских морей Красная армия всех сильней», и воевать мы будем на чужой территории.

Как показали дальнейшие события, отец был прав, а я (вместе с миллионами других советских людей) глубоко заблуждалась. Объяснить собственную самоуверенность могу лишь состоянием дел, которые у меня шли прекрасно. Поскольку в университете все сессии я сдавала с отличными оценками, то мне разрешили совмещать учебу с работой, близкой по специальности. В конце 1939 года меня приняли в Государственную историческую библиотеку на должность заведующей отделом комплектации. Как это было прежде, на заводе «Арсенал», я снова стала вносить в общий семейный бюджет определенную сумму и больше денег тратить на моего сына, которому исполнилось семь лет.

Последнюю зимнюю сессию на четвертом курсе истфака я вместе с однокурсниками сдала в январе 1941 года с отличными и хорошими оценками. Руководство Государственной исторической библиотеки в Киеве предложило мне поехать в длительную – месяца на четыре – командировку в Одесскую публичную библиотеку старшим научным сотрудником для укрепления там научных кадров. Богатейшие фонды этой, одной из самых старых на Украине библиотек были мне известны. Я полагала, что без труда напишу там свою дипломную работу, посвященную Богдану Хмельницкому, присоединению Украины к России в 1654 году и деятельности Переяславской Рады. На следующий год мне предстояло защитить в КГУ эту дипломную работу и получить диплом о высшем образовании.

Я готовилась к отъезду, пребывая в самом радужном настроении. Но все-таки разговоры с отцом, к счастью, на меня подействовали. Потому я положила в чемодан не только паспорт, студенческий билет и зачетную книжку, но и свидетельство об окончании Снайперской школы, брошюру Дорогого Учителя и еще одну или две военных книги, в частности, сборник мемуаров «Бои в Финляндии», изданный в Москве в начале 1941 года.

Поезд Киев – Одесса отходил вечером. Моя семья в полном составе прибыла на вокзал. Папа, как всегда, был серьезен и молчалив. Мама давала мне последние советы насчет правильного питания. Сестра Валентина и ее молодой человек Борис шептались о чем-то. Сын Ростислав никак не хотел отпускать мою руку, просил взять его с собой, обещая помогать мне в работе. На глазах у него закипали слезы, я пыталась хоть немного утешить его и развеселить. Могла ли я тогда думать, что расстаюсь со Славиком почти на три года!..

Глава 3
От реки Прут до реки Днестр

Ничего необычного не было в начале того, теперь памятного всем воскресного дня 22 июня 1941 года. Над Одессой сияло прозрачное небо, светило жаркое южное солнце. На море стоял штиль. Гладкая голубая равнина простиралась до самого горизонта, и чудилось, будто где-то там, вдали, она сливается с таким же голубым небом.

Раннее утро я, моя приятельница Софья Чопак, работавшая в Одесской публичной библиотеке, и ее старший брат провели на пляже. Обедать решили в «Чебуречной» на улице Пушкинской. Мы имели заранее купленные билеты и вечер планировали провести в театре, слушая в исполнении местных артистов оперу Верди «Травиата».

В двенадцать часов дня, сидя на открытой веранде «Чебуречной» в ожидании своего заказа, мы услышали из репродуктора на улице сообщение о том, что сейчас будет выступать заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, нарком иностранных дел товарищ Молотов. То, что сказал наркоминдел, показалось нам совершенно невероятным: сегодня, в четвертом часу утра, Германия вероломно напала на Советский Союз…

– Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда, – взволнованно, но твердо звучал голос Молотова. – Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом… Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!..

Речь длилась всего несколько минут, и сразу осознать случившееся было трудно. Как заколдованные, мы сидели за столом и ошеломленно смотрели друг на друга. Но вскоре официант принес блюдо с чебуреками и бутылку белого вина. Точно вернувшись в обычный мир из какого-то зазеркалья, мы заговорили между собой громко и бессвязно.

Тем временем улица Пушкинская постепенно наполнялась народом. Люди собирались под репродуктором, оживленно обменивались впечатлениями. Душевное волнение гнало их из домов на улицу. Они хотели видеть соотечественников, знать, как другие восприняли страшную новость. Понять общее настроение, ощутить то единство, к которому призывал их народный комиссар иностранных дел. Паники и растерянности в толпе не чувствовалось. Все уверенно говорили: мы разобьем фашистов!

Никто в Одессе и не подумал отменять сеансы в кинотеатрах, спектакли, концерты, традиционное воскресное гуляние на Приморском бульваре с выступлением духового оркестра. Наоборот, залы были переполнены и в опере, и в Русском драматическом театре, и в Театре юного зрителя, расположенных недалеко друг от друг на улице Греческой, и в городской филармонии. Публика ломилась и в цирк на аттракцион с дрессированными тиграми…

Мы тоже не стали отменять поход в оперный театр и в начале восьмого часа вечера сидели на своих местах в 16-й ложе бельэтажа и смотрели на сцену, где шел первый акт «Травиаты». Одесситам и гостям города предлагали поверить, будто они находятся в роскошном доме парижской куртизанки Виолетты Валери. Декорации, костюмы, голоса певцов, игра оркестра, само оформление зала с позолоченной лепниной, огромной хрустальной люстрой и потолком, красиво расписанным французским художником, пребывали в полной гармонии между собой. Но что-то мешало наслаждаться сим изысканным зрелищем. Словно оно относилось к другой, стремительно уходящей от нас жизни. После первого действия, в антракте я предложила своим знакомым покинуть театр.

Мы пошли к морю. На летней эстраде Приморского бульвара духовой оркестр наигрывал бодрые военные марши. Звонкое пение труб, громкие удары барабана звучали над берегом. На глади водного пространства одесской бухты виднелись силуэты боевых кораблей Черноморского флота: старинный крейсер «Коминтерн», переоборудованный под минный заградитель, эсминцы «Шаумян», «Бойкий» и «Безупречный», канонерские лодки «Красная Абхазия», «Красная Грузия», «Красная Армения». Стальные корпуса, мачты, мощные орудийные башни с длинными стволами больше соответствовали нашему настроению. Все-таки объявлена война…

Согласно мобилизации, о которой сообщили уже на следующий день, призыву в армию подлежали военнообязанные четырнадцати возрастов, от 1905 до 1918 года рождения. Я, рожденная в 1916-м, под призыв попадала. Нисколько не сомневаясь в том, что меня примут тотчас и с радостью, я отправилась в военный комиссариат Водно-транспортного района Одессы. Предстоящая встреча с военкомом казалось мне весьма торжественной, и я надела свое лучшее крепдешиновое платье, красивые белые босоножки на высоком каблуке. В сумочке у меня лежал паспорт, студенческий билет и свидетельство об окончании киевской Снайперской школы Осоавиахима.

У дверей райвоенкомата толпилось множество людей. Попасть в кабинет военкома я смогла только часа через два. В комнате было душно и накурено. Поминутно хлопали двери. Охрипший военком с сизо-красным лицом что-то доказывал пришедшим к нему двум парням деревенского вида. Он ошалело посмотрел на меня и сказал:

– Медицинские кадры будут призывать с завтрашнего дня…

– Я – не медик.

Но он тут же отвернулся, показывая, что разговор со мной окончен. Однако я так не считала и положила на стол перед ним свое снайперское свидетельство. Военком раздраженно заявил, что военно-учетной специальности «СНАЙПЕР» в его списке нет. Потом он добавил что-то ироническое по поводу Осоавиахима, женщин, которые хотят быть солдатами, но не соображают, как это трудно. Короче говоря, он заставил меня покинуть его кабинет.

Возвращаясь из райвоенкомата, я размышляла над сложившейся ситуаций и пришла в выводу, что вся загвоздка в месте прописки. Моя фамилия была внесена в список снайперов, имеющийся в военкомате Печерского района города Киева. В прошлом году я успешно выступала на городских соревнованиях по пулевой стрельбе, прошла переподготовку. Может быть, меня уже ищут в столице Украины, а я нахожусь здесь, на берегу Черного моря. Надо просить местного военкома сделать звонок в Киев…

На следующий день я снова отправилась в военный комиссариат Водно-транспортного района. Военком встретил меня гораздо приветливее. Судя по всему, он уже знал, кто такой снайпер. Он перелистал мой паспорт, нашел штамп о браке с Павличенко А.Б. и спросил, не возражает ли муж против моего вступления добровольцем в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Алексея Павличенко я не видела года три и ответила, что никаких возражений он не имеет. Паспорт остался у военкома, а мне в соседней с его кабинетом комнате начали оформлять армейские документы.

Вечером 24 июня 1941 года, после митинга на вокзале, все новобранцы, частью обмундированные, частью еще одетые в гражданскую одежду, погрузились в воинский эшелон. Поезд двигался медленно и шел на запад по железной дороге, проложенной в причерноморской степи. Вскоре справа заблестела гладь Днестровского лимана, затем мы миновали станции Шабо, Колесное, Сарата, Арциз, Главани. На станциях эшелон иногда стоял подолгу. Там нас кормили. Но никто ничего не объяснял, не рассказывал про конечный пункт назначения. Говорили лишь, что мы едем на фронт, и сердце невольно стучало: «Быстрее, быстрее!» Молодежь в нашем вагоне горячилась: «Мы не успеем! Фашистов побьют без нас!»

Так мало мы тогда представляли себе размер бедствия, вдруг обрушившегося на нашу цветущую прекрасную страну.

Эшелон остановился на каком-то полустанке в три часа ночи 26 июня. Нам приказали покинуть вагоны и построиться в колонну. Поеживаясь от утренней сырости и прохлады, новобранцы зашагали по проселочной дороге и к семи часам утра добрались до леса, довольно густого. Выяснилось, что мы находимся на земле Бессарабии, в тыловых частях 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Первую военную униформу я получила здесь, став красноармейцем 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. Вещи были абсолютно новые, что свидетельствовало о хорошем состоянии интендантской службы дивизии и порядке на ее складах. Это – сшитые из хлопчатобумажной ткани защитного цвета: пилотка, гимнастерка с отложным воротником, брюки-галифе, кирзовые сапоги (на два размера больше, чем нужно). Также полагался мне поясной ремень с латунной пряжкой, противогаз в брезентовой сумке, малая саперная лопатка в чехле, алюминиевая фляга (тоже в чехле), каска СШ-40 (довольно тяжелая), ранец-рюкзак, а в нем – разные принадлежности, вроде полотенца, запасной нательной рубахи и трусов, запасной пары портянок, мешочков для продуктового запаса, для предметов гигиены и других.

В ранец-рюкзак я спрятала свое платье из штапеля с кружевным воротником и удобные парусиновые туфли на шнурках. Прощай, штатская жизнь!

Первый армейский завтрак показался очень вкусным: горячая гречневая каша, сладкий чай с увесистой краюхой хлеба. Проходил он в обстановке, приближенной к боевой. Мы слышали отдаленные пулеметные очереди и разрывы снарядов, раздававшиеся время от времени где-то на западе. При взрывах все мы, новобранцы, вздрагивали. А бывалые сержанты и старшины 54-го полка объясняли: мол, бояться пролетевшего или разорвавшегося снаряда не надо, он уже никому не причинит вреда. Так, в разговорах, и прошел этот день. Нам предоставили отдых, но выходить из леса не разрешали.

Церемония принятия воинской присяги прошла 28 июня.

К нам явился военный комиссар 54-го полка старший политрук Ефим Андреевич Мальцев. Он рассказал о боевом пути 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, которой действительно в 1919 году командовал легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев, о ее славных стрелковых полках: 31-м Пугачевском имени Фурманова, нашем 54-м имени Степана Разина и 225-м Домашкинском имени М.В. Фрунзе. В 1933 году дивизия первой в Красной армии удостоилась награждения недавно учрежденным высшим орденом СССР – орденом Ленина. Это было признание ее выдающихся подвигов на фронтах Гражданской войны и блестящих достижений в боевой учебе мирного периода.

Затем раздалась команда: «Смирно!» Перед строем вынесли знамя 54-го полка. С волнением мы повторяли слова «Присяги бойца РККА»: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну…» Затем поставили свои подписи на листках с отпечатанным текстом присяги и таким образом превратились в людей, чья жизнь целиком и полностью принадлежит Отечеству. Нас распределили по подразделениям 54-го полка. Я попала в первый батальон, вторую роту, первый взвод.

Командовал взводом младший лейтенант Василий Ковтун, который окончил Могилевское военно-пехотное училище в прошлом году и был младше меня. Первое, что он спросил: зачем я пошла в армию добровольцем, ведь война – совершенно не женское дело. Я достала свою «палочку-выручалочку» – свидетельство об окончании Снайперской школы Осоавиахима. К нему лейтенант отнесся крайне недоверчиво и сообщил, что будет ходатайствовать

перед командиром батальона капитаном Сергиенко о моем переводе в санитарный взвод, так как единственная посильная для женщин работа на фронте – санинструктор.

Пошли на командный пункт первого батальона. Там повторилась та же беседа: зачем, почему, понимаю ли я, как это опасно, и т. д. и т. п. В ответ я рассказывала об отце, который в годы Гражданской войны некоторое время служил в Самарской дивизии (будущей – 25-й Чапаевской) и встречался с Чапаевым, о работе на заводе «Арсенал», выполнявшем заказы Наркомата обороны, о военном прошлом нашей страны, детально изучавшемся на историческом факультете Киевского университета.

Иван Иванович Сергиенко – человек вдумчивый, опытный, серьезный – выслушал меня внимательно и приказал Ковтуну забыть о его нелепой идее насчет перевода бойца-снайпера Павличенко в медицинскую часть. Я обрадовалась:

– Товарищ капитан, готова получить полагающееся мне оружие!

– А снайперских винтовок у нас нет, Людмила, – ответил он.

– Ну, тогда обыкновенную «трехлинейку».

– Их тоже нет.

– Как же мне воевать, товарищ капитан? – в недоумении задала я вопрос.

– Для вас, новобранцев, пока главным оружием будет лопата. Поможете бойцам строить окопы и ходы сообщения, восстанавливать их после артобстрелов и бомбежек. Кроме того, выдадим вам по одной гранате РГД-33 на тот случай, если фашисты прорвутся. Знаете устройство этой гранаты?

– Знаю, товарищ капитан.

– Вот и отлично, – он улыбнулся. – Других действий от вас нынче не требуется…

Доводилось читать немало воспоминаний о первых днях Великой Отечественной войны. Их писали и генералы, командовавшие крупными воинскими соединениями, и офицеры, стоявшие во главе полков, рот, взводов, и политработники. Поскольку бои развернулись на всем протяжении наших границ, то и картины участники сражений рисовали совершенно разные. Была, например, Брестская крепость, защитники которой вели сопротивление почти месяц. Были и ожесточенные двухдневные схватки, которые заканчивались почти паническим отходом с потерей управления корпусами и дивизиями, с оставлением военной техники, с окружением и сдачей в плен многих подразделений советских войск. Это происходило, например, на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах. Там в течение трех недель немецко-фашистские захватчики продвинулись по территории СССР на расстояние от 300 до 600 километров. Но наша 25-я Чапаевская дивизия находилась на Южном фронте, на крайне левом его фланге, и занимала заранее подготовленную линию обороны (около шестидесяти километров) вдоль реки Прут. Тут ситуация вначале складывалась по-другому, более благоприятно для нас.

Румыны, союзники гитлеровской Германии, 22 июня 1941 года попытались форсировать реку и были отброшены. Следующая неделя прошла в мелких стычках и артиллерийских дуэлях, когда «чапаевцы» продолжали удерживать свои позиции. Были и попытки перенести боевые действия на сторону врага. Один батальон нашего полка (он базировался в городе Кагул) высадился на румынском берегу и разгромил там две роты фашистов, взяв в плен около семидесяти солдат и офицеров. Нашими войсками также был захвачен румынский город Килия-Веке, где в виде трофеев русским досталось 8 орудий и 30 пулеметов. Румынские части, которые переправились через Прут 23 июня, тоже получили достойный отпор. Примерно 500 вражеских солдат при этом сдалось в плен. Всего же за восемь дней, с 22-го до 30 июня, противник потерял до полутора тысяч человек, так и не сумев захватить и пяди советской земли[1].

[1] Здесь и далее статистические данные приводятся по книге: *Хлебников Н.М., Евлампиев П.С., Володихин Я.А*. Леген-

Затем события приобрели иной оборот.

В первых числах июля наша оборона на реке Прут была прорвана гораздо севернее, в направлении городов Яссы – Бельцы и города Могилев-Подольский. Имея большое превосходство в живой силе и технике, захватчики быстро развивали наступление, и Южный фронт затрещал по швам. Возникал «Бессарабский мешок», из которого требовалось срочно выводить стрелковые дивизии 25, 95, 51, 176-ю. Потому с середины июля началось наше тяжелое отступление по причерноморским степям, сопровождавшееся упорными арьергардными боями.

Наш доблестный полк 19 июля находился на рубеже Кайраклия – Булгарийка; 21 июля – на рубеже Ново-Павловка – Новый Арциз; 22 июля – на рубеже Арциз; 23 июля на рубеже Каролино-Бугаз – Днестровский лиман; 24 июля полки дивизии стояли на разных рубежах: у села Староказачье, у высоты 67 – Черкесы, у села Софьенталь.

Отступление мы проводили так называемыми «ступенями». Кто-то прикрывал отход, кто-то уходил, кто-то готовил новые огневые позиции. Расклад получался такой: 31-й Пугачевский и 287-й стрелковые полки оборонялись, 54-й Разинский полк отходил, 225-й Домашкинский окапывался. Потом воинские части менялись местами: «домашкинцам» – воевать, «пугачевцам» – отходить, «разинцам» – рыть окопы и траншеи.

Отходили иногда днем, иногда – по ночам, чтобы не попадать под удары немецко-румынской авиации. Переезжали на автомашинах, но их было в полку мало – всего 18, причем 9 из них («полуторки», или «ГАЗ-АА») принадлежали санитарной роте. Зато имелось большое число пароконных повозок (по штату – 233, но в середине июля примерно на треть меньше). Также совершали мы и ускоренные пешие переходы.

Степь расстилалась по обеим сторонам дороги, как открытая книга. Теплой июльской ночью она лежала перед нами таинственная и тихая. Но днем громыхала от орудийных залпов, вспыхивала зарницами пожаров, дышала пороховой гарью. Население уходило из Бессарабии вместе с нами. По дорогам двигалась сельскохозяйственная техника (комбайны, тракторы, сеялки и проч.). Попадались целые караваны грузовиков с большими деревянными ящиками: видимо, в них вывозили заводское оборудование. Колхозники гнали гурты скота, вместе с ним тащились обозы из телег с домашним скарбом. Я уж не говорю о том, что множество женщин с малыми детьми, подростков, стариков понуро шагали по пыльным обочинам, опасливо поглядывая на небо, вздрагивая от артиллерийской канонады.

Часто над степными дорогами кружила «рама» – двухфюзеляжный и двухмоторный самолет «Фокке-Вульф-189», который немцы называли «летающим глазом армии». Он действительно вел разведку, наводил на колонны, уходящие к реке Днестр, бомбардировщики, вел корректировку огня дальнобойной артиллерии. «Рама» летала не быстро, но достаточно высоко. Все нападения на нее краснозвездных «ястребков» ничем не заканчивались, да и мало их было, этих нападений.

Фашисты же совершали налеты регулярно. Они били по дорогам, по селам, прилегающим к ним. Мы видели полностью выгоревшие поля пшеницы, разбитые бомбами жилые дома, складские, административные и хозяйственные постройки, брошенную и сгоревшую технику. Бывало, на наших глазах бомбардировщики «Юнкерсс-87», внезапно вывалившись из облаков, с воем пикировали на дорогу, бомбили и расстреливали из пулеметов мирное население, которое никак не могло защитить себя. Все это напоминало не обычную войну, где противоборствуют равные по силе армии, а целенаправленное истребление нашего народа.

дарная Чапаевская. М.,1967.

Мы, его защитники, либо прятались по лесам, либо шли на восток по тем же дорогам. Простые люди, не видя от нас никакой помощи, неприязненно говорили: «Провалиться бы вам! Почему не воюете с врагом, почему не даете ему отпора?!»

Картины страшного разорения и огромного людского горя отзывались в сердце болью, с которой спокойно жить невозможно. Кто-то впадал в уныние, кто-то терял веру в победу и страшился будущего. Но я думала о возмездии, неизбежном и неотвратимом. Пришельцы с запада, которые вероломно нарушили мирную жизнь моей родной страны, должны понести суровое наказание, и я смогу их наказать. Смогу, как только оружие попадет ко мне в руки. Но дела с вооружением обстояли неважно. Не хватало не только снарядов для полковой и дивизионной артиллерии, не хватало даже винтовок.

В книге мемуаров вице-адмирала И.И. Азарова, который летом 1941 года являлся членом Военного совета Одесского оборонительного района, есть глава с выразительным названием: «Дайте оружие!» Он рассказывает о том, как при стремительном наступлении фашистов искал по армейским складам винтовки, автоматы, станковые и ручные пулеметы и везде получал отказ. Лишь по случайности ему удалось вооружить одну вновь формируемую воинскую часть Южного фронта: «У нас было пятьсот учебных винтовок… Все с просверленными патронниками. По нашей просьбе на заводе заделали отверстия. Большую часть винтовок удалось ввести в строй. Мы испробовали их на стрельбище – к нашей радости они оказались годными…»[2]

Обычная винтовка Мосина образца 1891/1930 года попала ко мне во второй половине июля, после того, как наш полк стоял под сильным артиллерийским обстрелом на рубеже Ново-Павловка – Новый Арциз. Очень обидно с единственной гранатой в руке наблюдать за ходом боя. Но в миллион раз горше ждать, когда твой товарищ, стоящий рядом, будет ранен и его оружие перейдет к тебе. Осколок снаряда тяжело ранил моего однополчанина, спрятавшегося в окопе. Истекая кровью, он отдал мне «трехлинейку».

После артподготовки румыны приготовились к нападению, и тут я вместе с другими бойцами нашего первого взвода, положив винтовку на бруствер неглубокой траншеи, поставила хомутик на секторном прицеле на метку «3» (то есть на дальность 300 метров) и передернула затвор. Патрон находился в канале ствола, легкая пуля образца 1908 года ждала своего освобождения. Огонь мы открыли по команде младшего лейтенанта Ковтуна. Заработали и ротные ручные пулеметы. Исход этой маленькой битвы решила наша удачная контратака. Поднявшись из окопов, мы отогнали фашистов довольно далеко. Поле боя осталось за нами, и бойцы 54-го стрелкового полка принялись собирать оружие убитых врагов. В качестве трофеев мы получили винтовки чешского производства «ZB-24» калибра 7,92 мм. Наши патроны к ним не подходили, потому требовалось снимать с трупов также и патронные сумки. Конечно, это решало трудности с вооружением солдат лишь частично.

Младший лейтенант Ковтун, увидев меня с «трехлинейкой», закинутой за плечо, подошел поближе. Я боялась, что он прикажет отдать ее кому-нибудь из бойцов. Но после недавней победы над противником комвзвода был настроен благодушно.

– Значит, вместе со всеми в атаку ходила, красноармеец Людмила?

– Так точно, товарищ командир! – отрапортовала я.

– Ну и как настроение?

– Отличное, товарищ командир!

– Стреляла? – спросил он.

– Да. Обойму истратила.

– Ладно. Старшина перепишет эту винтовку на тебя. Посмотрим, какой ты снайпер.

---

[2] *Азаров И.И.* Осажденная Одесса. М., 1966. С. 26–32.

– Мне бы оружие с оптическим прицелом, товарищ командир, – попросила я. – Тогда и результаты другие будут.

– Этого пока обещать не могу. Но при первой возможности попробую исполнить твою задушевную просьбу, – младший лейтенант улыбнулся, и я поняла, что теперь уж точно вхожу в строевой состав вверенного ему подразделения…

Между тем наше отступление продолжалось. «Чапаевцы» подошли к западному берегу реки Днестр, переправились через него и 26 июля заняли оборону на восточном берегу на рубеже: Граденица – село Маяки – Францфельд – Каролино-Бугаз. Севернее находились фортификационные сооружения Тираспольского укрепленного района № 82.

Его возвели задолго до войны и оборудовали неплохо: бетонные, деревянно-земляные, каменные огневые точки, блиндажи, глубокие окопы и траншеи. Здесь в капонирах и полукапонирах расположили около ста орудий разных калибров, несколько сотен станковых и ручных пулеметов. Также УР-82 располагал подземными складами с разным военным имуществом. Советское командование рассчитывало остановить здесь вал вражеского наступления, перемолоть на днестровских берегах румынские и немецкие пехотные дивизии и затем отбросить их обратно к западной границе. Я пишу подробно об УР-82 потому, что его военные склады очень пригодились 25-й и 95-й стрелковым дивизиям. По крайней мере, наш 54-й полк получил станковые пулеметы «максим», ручные пулеметы «Дегтярев пехотный», «трехлинейки» и винтовки СВТ-40, основательно пополнил боезапас. А мне наконец-то вручили совершенно новую, в заводской смазке снайперскую винтовку Мосина с оптическим прицелом «ПЕ» (прицел Емельянова).

Однако расчеты наших генералов на коренной перелом в боевых действиях с опорой на УР-82 не оправдался. Румыны и немцы, имея пятикратное численное превосходство, напирали сильно. На рубежах Тираспольского укрепрайона ожесточенные бои шли с 26 июля по 8 августа. Затем воинским частям Южного фронта пришлось отходить к дальним пригородам Одессы. Линия советской обороны теперь пролегала по населенным пунктам: Александровка – Буялык – Бриновка – Карпово – Беляевка – Овидиополь – Каролино-Бугаз…

Беляевка, 8 августа 1941 года – место и дата моего снайперского, так сказать, дебюта на войне. Никогда не забуду этот день.

Беляевка – довольно большое старинное село, заложенное еще запорожскими казаками у озера Белое, отстоит от Одессы километров на сорок. Значительную часть поселения составляли глинобитные мазанки с камышовыми крышами. Но имелись и каменные постройки: церковь, одноэтажная школа, несколько домов, до революции, вероятно, принадлежавших местным богатеям. Теперь в одном из них находился сельсовет. После длительного боя западная часть Беляевки осталась за воинами румынского короля Михая Первого. Несмотря на существенные потери, они никуда не продвинулись. К вечеру на восточной стороне села закрепился наш первый батальон. Капитан Сергиенко вызвал меня на командный пункт и показал на дальний конец Беляевки. Там среди разросшихся деревьев виднелся большой дом с крыльцом под двускатной крышей, хорошо освещенный предзакатным солнцем. На крыльцо вышли два человека в офицерских мундирах и в касках, напоминающих деревенские макитры. Именно эти стальные изделия королевство Румыния перед войной закупило для своей армии у голландских поставщиков.

– Похоже, там их штаб. Достанешь? – спросил комбат.

– Попробую, товарищ капитан, – ответила я.

– Давай, – он встал поодаль, собираясь наблюдать за моими действиями.

Наше пребывание в течение недели возле УР-82 было более или менее спокойным, и я, отойдя в тыл, смогла привести новую «снайперку» в боевое состояние. Для того следовало разобрать винтовку полностью и проделать кое-какую работу с ее составными частями. Например, удалить лишний слой дерева по всей длине желоба цевья, опилить наконечники

ложи и ствола, подогнать упор ствола к нагелю ложи, поставить прокладки между ствольной коробкой и магазином. Для идеального прилегания некоторых деталей затвора друг к другу рекомендуется аккуратно обработать их мелким бархатным надфилем. Ведь спусковой механизм винтовки должен быть четким, надежным, стабильным.

Ясная и безветренная погода, установившаяся тогда на степных пространствах восточного берега Днестра, способствовала пристрелке винтовки, сначала с открытым прицелом, потом – с оптическим. Такая пристрелка на первом этапе проводится с расстояния в сто метров по черному пристрелочному квадрату размером 25 × 35 см. При втором этапе винтовка фиксируется в пристрелочном станке (или в чем угодно) для придания ей неподвижности. Задача – отрегулировать оптический прицел с помощью открытого…

«Снайперка» была у меня за плечом, на поясном ремне висели три кожаных подсумка с разобранными по типам патронами: первый – с «легкими» пулями образца 1908 года, второй – с «тяжелыми» пулями образца 1930 года, третий – с бронебойно-зажигательными пулями образца 1932 года. Я взяла винтовку в руки, заглянула в окуляр оптического прицела. Горизонтальная линия закрывала фигуру офицера, спускавшегося по ступеням вниз, примерно до пояса. Это – уравнение из курса практической баллистики, который нам читали в Школе, и решение его таково: расстояние до цели составляет 400 метров. Заложив в патронник патрон с «легкой» пулей, я оглянулась, выбирая место для стрельбы.

Мы с капитаном находились посреди сельской хаты, разбитой прямым попаданием снаряда. Проломленная стена, повсюду разбросаны камни и обгорелые обломки балок. Стрелять из положения лежа не представлялось возможным. Я решила стрелять, спрятавшись за стену, то есть с колена с применением ремня: сесть на каблук правого сапога, а на левую ногу, согнутую в колене, опираться левым же локтем, вес винтовки принять на ремень, пропущенный под левый локоть. Эх, не зря Потапов часто напоминал нам снайперскую пословицу: «Стреляет ствол, но попадает ложа!» От положения, которое занял стрелок, удерживая винтовку, зависит многое.

Короче говоря, первую цель я поразила с третьего выстрела, вторую – с четвертого, зарядив винтовку дефицитным патроном с «тяжелой» пулей. Не могу сказать, что волновалась или колебалась. Какие могут быть колебания после трех недель отчаянного отступления под вражескими бомбами и снарядами? Но что-то мешало сосредоточиться. Говорят, это порою бывает, когда снайпер впервые переходит от учебных стрельб по картонным мишеням к стрельбе по живому противнику.

– Люся, – ласкового сказал комбат, посмотрев в бинокль на вражеских офицеров, неподвижно лежавших у крыльца. – Патроны все-таки беречь надо. Семь штук на двух фашистов – это много.

– Виновата, товарищ командир. Исправлюсь.

– Уж ты постарайся. А то их видимо-невидимо, и лезут сюда, как тараканы. Ведь, кроме нас, остановить оккупантов некому…

Между тем румыны чувствовали себя победителями.

Диктатор Ион Антонеску 8 августа объявил о том, что 15 августа 1941 года его доблестные войска, разгромив русских, вступят в Одессу и пройдут по ее улицам торжественным маршем. Основания для такого «головокружения от успехов» имелись. Захватив 16 июля Кишинев, союзные немецко-румынские войска двигались от Прута к Днестру довольно быстро и за 33 дня захватили значительную советскую территорию, которую называли «Транснистрией», якобы издревле принадлежавшей румынскому королевству. Теперь они собирались очистить ее от русских, украинцев, евреев и цыган (то есть уничтожить их в концлагерях), их земли и дома отдать офицерам и солдатам своей армии, запретить употребление русского и украинского языков, «как унижающих достоинство великой румынской

нации», снести все памятники, переименовать по-своему все поселки и города, в частности, Одессу назвать городом «Антонеску».

Однако румыны хотели въехать в рай на чужом горбу.

Если бы не гитлеровская Германия с ее мощной промышленностью, отличной военной техникой, хорошо отмобилизованными и имеющими боевой опыт вооруженными силами, с ее стратегическим планом «Барбаросса», то ни о какой «Транснистрии» подданным короля Михая Первого не стоило бы и мечтать. В 1940 году Советский Союз вернул себе Бессарабию и Северную Буковину, отторгнутые румынами от России в бурные времена революции и Гражданской войны. Тогда перед наступающими нашими частями 5, 12 и 9-й армий королевские войска отходили весьма поспешно, избегая боевых столкновений и бросая склады с оружием.

Теперь триумфальный путь по причерноморским степям породил у воинов полуфеодального, отсталого государства иллюзию победы над грозным северным соседом. Вероятно, королевские генералы решили, будто Красная армия деморализована и оказывать сопротивление больше не будет. Эта иллюзия дорого обошлась румынам под Одессой.

В окуляр оптического прицела я часто видела их смуглые горбоносые полуцыганские-полувосточные физиономии. Правда, господин Антонеску утверждал, будто румыны – потомки древнеримских легионеров. На самом же деле с XV века Валашское княжество подпало под власть Османской империи. Если кто и повлиял тут на народонаселение, то турки, которые почти до 70-х годов XIX столетия держали гарнизоны в крупных городах, имели собственную торговлю, заставляли румын служить в своей армии. А еще – множество цыганских таборов, свободно кочевавших по городам и весям этой крестьянской страны.

Одетые в мундиры песочно-сероватого цвета, в каски-макитры или в суконные кепи со смешной тульей, вытянутой углом спереди и сзади, румыны в начале августа 1941 года вели себя чрезмерно уверенно и беззаботно, демонстрируя пренебрежение к законам войны. Они расхаживали по позициям во весь рост, далеко не везде выставляли боевое охранение, недостаточно занимались разведкой, располагали тыловые части (медсанбаты, кухни, коновязи, обозы, мастерские и проч.) поблизости от линии фронта. Одним словом, создавали прекрасные условия для работы сверхметкого стрелка. Неудивительно, что мой снайперский счет увеличивался день ото дня.

Само собой разумеется, безумный приказ Антонеску о взятии Одессы 15 августа 1941 года остался невыполненным, хотя Четвертая армия под командованием генерала Николае Чуперкэ насчитывала более 300 тысяч солдат и офицеров, располагала 80-ю боевыми самолетами и 60-ю танками. При ней состояли и некоторые подразделения немецкой 72-й пехотной дивизии. Наши тогда могли противопоставить им 35 самолетов, 5–7 исправных танков и 50–60 тысяч бойцов.

Глава 4
Огненные рубежи

Советские военно-инженерные части, саперные батальоны и жители города славно потрудились, готовясь к длительной осаде. Передний край главного рубежа (протяженность по фронту – 80 км, глубина – 3,5 км) проходил через ближайшие к Одессе села и хутора. Этот рубеж имел 32 батальонных района обороны, ротные и взводные опорные пункты, огневые позиции для артиллерии и минометов. К 10 августа успели построить 256 деревоземляных, кирпичных и железобетонных огневых точек, вырыли 1500 окопов различного назначения, которые связывались в единую систему траншеями и длинными, извилистыми ходами сообщения. Окопы и траншеи были полного профиля, то есть глубиной более полутора метров, со стенами, укрепленными досками. Имелись и блиндажи «в три наката», или проще говоря, накрытые толстыми бревнами в три слоя. Противотанковые рвы шириной до семи метров и глубиной до трех метров пересекали ровные пространства причерноморской степи. Перед боевыми позициями находились минные поля и большие участки, с рядами заграждений из столбов с натянутой на них колючей и гладкой проволокой. Второй рубеж главной линии обороны отстоял от города на 40 км, третий – на 25–30 км, четвертый – на 12–13 км[3].

Мы мечтали о подобных фортификационных сооружениях.

Эта мечта поддерживала нас и под Ново-Павловкой, и под Арцизом, и у села Староказачье, когда на скорую руку, малыми саперными лопатками мы рыли траншеи то ночью, при свете луны, то днем, под обстрелом вражеской дальнобойной артиллерии, когда шли по степным шляхам без пищи и воды, когда хоронили павших товарищах в воронках от бомб, когда, экономя патроны, отбивались от наседавших фашистов. Мы верили, что хаос и неразбериха первых дней войны, вызванные внезапным, вероломным нападением агрессора, прекратятся. Когда и где они прекратятся, мы не знали, но не сомневались, что на нашем тяжком пути скоро возникнет некая опора, неприступная крепость, которую мы, уже пройдя крещение огнем, станем защищать до последней капли крови, и обнаглевший противник почувствует настоящую силу русского оружия…

Осадное положение в Одессе было объявлено 8 августа.

В это время воинские части нашей 25-й Чапаевской стрелковой дивизии под командованием полковника А.С. Захарченко находились на линии Беляевка – Мангейм – Бриновка. Натиск превосходящих сил врага мы отразили и не дали румынам прорваться на юг. Дальше произошла перегруппировка советских войск. В сводный отряд комбрига С.Ф. Монахова, направленный в Восточный сектор обороны, вместе с Первым полком морской пехоты, 26-м полком НКВД вошел и 54-й имени Степана Разина полк (командир подполковник И.И. Свидницкий), но не весь. Первый батальон остался на прежних позициях и стал использоваться как ударная часть, которую перебрасывали с одного участка фронта на другой для ликвидации прорывов врага.

Костяк батальона составляла наша вторая рота (командир – лейтенант Дмитрий Любивый). Получив приказ: «Восстановить положение возле Н-ского села!», мы садились в машины – «полуторки» (но чаще передвигались пешком), прибывали на место и шли в атаку, чтобы выбить противника с недавно занятых им позиций. Как правило, нам это удавалось.

Теперь рота имела отличное вооружение. Много оружия мы добыли в боях: винтовки разных образцов, автоматы (немецкие «МР-40», больше известные у нас под названием «шмайссер»), советские пистолеты «ТТ», иностранные – «Маузер», «Беретта», «Штайр»,

[3] Инженерные войска в боях за советскую Родину. М., 1970. С. 114.

револьверы «Наган», гранаты, ручные пулеметы «ДП», большой запас патронов. Наученные горьким опытом приграничных схваток, когда оружия не хватало, мы создали свои ротные схроны. Тяжеловато было перетаскивать все это с места на место, но мы ничего не хотели отдавать на полковой склад, хотя с нами и проводили всякие разъяснительные беседы.

Боевитости нашего подразделения во многом способствовало сходство личного его состава по возрасту, по воспитанию, по образованию. Возраст колебался от 20 до 25 лет. Все мы были комсомольцами, призванными в основном с предприятий тяжелой промышленности, или, как я, студентами-добровольцами из украинских вузов. Армейское братство возникло еще в боях у реки Прут. Мы научились доверять друг другу и знали, что суворовское правило: «Сам погибай, а товарища выручай!» – действует у нас непреложно.

В перерывах между боями мы коллективно читали письма, полученные из дома, и также коллективно писали на них ответы, даже невестам. Каждый считал своим долгом подсказать какую-нибудь удачную или остроумную фразу. У нас были люди с музыкальным слухом и хорошим голосом, и мы часто пели хором. Репертуар состоял из песен времен Гражданской войны, песен из популярных кинофильмов: «Варшавянка», «Тачанка», «Там вдали, за рекой», «Веселый ветер» из фильма «Дети капитана Гранта» В. Вайнштока, «Широка страна моя родная» из фильма Г. Александрова «Цирк», «Крутится-вертится шар голубой» из фильма Г. Козинцева и А. Трауберга «Юность Максима» и многие другие.

Песни помогали в бою. Бывало, при сильной перестрелке кто-нибудь вдруг на ухо охрипшим голосом пропоет тебе только одну строку из любимой песни или, проходя мимо, крикнет: «Держись, пехота!», и на сердце сразу становится легче.

Перед атакой всегда чувствуешь себя неважно. В голове какая-то пустота, настроение падает. Это тяжелое, неприятное ощущение. У нас в роте с ним вели борьбу: рассказывали всевозможные забавные истории, вспоминали удачные боевые эпизоды, не позволяли людям предаваться горьким ожиданиям. Потом раздавался голос лейтенанта Любивого: «Рота, вперед! За Родину, за Сталина, ура!» В едином порыве мы бросались в бой и забывали обо всем на свете. Ненависть к врагу брала верх над другими человеческими чувствами, и румыны бежали от нас, как зайцы.

Вот какой замечательной была наша вторая рота!..

Как бы смело ни действовали мы, «чапаевцы», суровые обстоятельства сражения за Одессу иногда брали верх. Противник имел превосходство в артиллерии и – самое главное – располагал большим боезапасом к орудиям и минометам, чего у защитников города не было. На три залпа немецко-румынских артиллеристов наши отвечали только одним. Огненный вал накрыл однажды нашу роту. Случилось это утром 19 августа. Фугасный снаряд угодил в бруствер окопа не прямо передо мной, но метра на два левее. Ударная волна разбила в щепы любимую винтовку, а меня отбросила на дно траншеи и засыпала землей. Очнулась я только в госпитале: однополчане откопали и привезли в Одессу вместе с другими ранеными и контуженными красноармейцами первого батальона.

Дивная картина открывалась из окна моей палаты, расположенной на первом этаже госпитального здания. Под порывами морского ветра качались ветви яблоневых, грушевых, персиковых деревьев в заброшенном саду, трепетали желтеющие листья, падали на землю созревшие плоды. С ветки на ветку перелетали маленькие серые воробьи и черноголовые скворцы. Наверное, они пересвистывались между собой, но я ничего не слышала. Беззвучное зрелище вступающей в свои права осени почему-то успокаивало, наводило на размышления. Слух возвращался медленно. Боли в суставах и в позвоночнике мучили по ночам.

В чисто убранной комнате, на хрустящих от крахмала простынях, за сладким и крепким утренним чаем, который подавали ровно в восемь часов утра и непременно – со сдобной булкой, – я вспоминала жаркую, грохочущую от взрывов степь. Здесь, в абсолютной тишине,

она казалась мне сном, не имеющим отношения к реальности, далеким, странным, даже пугающим. Однако там остались мои боевые товарищи, и мое место было среди них.

Вскоре несколько писем от родных мне передали из полка.

Добрая моя матушка Елена Трофимовна беспокоилась о моем здоровье и советовала не пить в походе сырую воду из открытых водоемов. Отец Михаил Иванович вспоминал Первую мировую и Гражданскую войны, утверждая, будто Беловым в сражениях всегда везло. Старшая сестра Валентина рассказывала, как идет у нее работа на новом месте. Все они находились очень далеко от меня, в Удмуртии, куда из Киева эвакуировали завод «Арсенал». Собравшись с духом, я села писать им ответы, старательно выводя буквы правой рукой, к которой постепенно возвращалась прежняя сила и точность. Получилось несколько коряво, но зато искренне:

«Удмуртская республика,

г. Воткинск, Главпочтамт, до востребования,

Беловой Валентине Михайловне.

Здравствуй, дорогая Жучка!

Вчера вырвалась из госпиталя в город. Получила Ленуськину открытку, которая шла из Киева в Одессу всего полтора месяца. Ленуся дала твой адрес. Почему ты не взяла ее с собой?.. Я уже месяц и десять дней в армии. Успела насолить румынам и немцам, побывала на передовой. Они, гады, присыпали меня землей… Теперь в госпитале. Через два дня выхожу, иду в свою часть, где моя специальность – боец-снайпер. Думаю, если не убьют, быть в Берлине, отлупить немцев и вернуться в Киев. Расчет у меня простой – 1000 немцев, а тогда я уже дешевле свою голову не ценю. Можно сказать, раз оценила свои способности и больше не отступлю. Словом, не скучаю. Житье-бытье веселое. Если тебе не лень, пиши по адресу: Одесса, ул. Пастера, 13, научная библиотека, Чопак, для меня. Мне передадут…»[4]

В предпоследний день августа 1941 года меня отпустили из госпиталя на передовую со справкой о полном излечении от тяжелой контузии. Я решила навестить мою приятельницу Софью Чопак, по-прежнему работавшую в библиотеке. По дороге туда меня дважды останавливал патруль для проверки документов. Вероятно, подозрения вызывала моя гимнастерка, выстиранная в госпитальной прачечной и отлично выглаженная, с нашитыми на воротник парадными малиновыми петлицами вместо положенных сейчас походно-полевых, то есть цвета хаки. А может быть, и сам мой вид. Все-таки женщин-военнослужащих тогда было очень мало…

За два месяца, прошедших с начала войны, прежде беззаботная красавица Одесса и ее жизнерадостные жители сильно изменились.

На некоторых улицах возвели баррикады из мешков с песком и устроили площадки с зенитными орудиями. Многие магазины закрылись, другие заклеили свои стеклянные витрины бумажными полосами крест-на-крест. Курортники исчезли. Парки, бульвары, улицы, площади стали пустынными. Только патрули народного ополчения с винтовкми за плечами четко вышагивали по булыжной мостовой. Под усиленную охрану взяли промышленные предприятия, морской порт, объекты транспорта и связи, источники водоснабжения.

В городе опасались – и совсем не зря – появления диверсантов. Фашисты начали регулярно бомбить Одессу. Несколько раз бывало, что кто-то подавал им сигналы с чердаков многоэтажных домов, наводил бомбардировщики на цель. Особенно пострадал при этом морской порт.

Имел место и другой случай. Неожиданно на гражданский аэродром Одессы приземлился небольшой самолет без опознавательных знаков. Наша противовоздушная обо-

[4] Письмо Л.М. Павличенко старшей сестре В.М. Беловой датировано 27 августа 1941 года. В настоящее время находится в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации, фонд № 4/18680. (*Примеч. сост.*)

рона его, как говорится, проморгала. Из самолета выскочили 17 немецких автоматчиков и открыли стрельбу. Они попытались захватить аэродром для приема нового, более многочисленного десанта. Бойцы истребительного батальона Ильичевского района пришли в себя довольно быстро. Противник был окружен и уничтожен. Самолет захвачен. Больше никакого десанта фрицам здесь высадить не удалось.

Об этом и о многом другом рассказала Соня, когда мы встретились в хранилище редких книг и рукописей научной библиотеки. Там кипела работа. Сотрудники укладывали в большие деревянные ящики фолианты, кожаные папки со старинными рукописями и ценными раритетами, заново нумеровали их, составляли описи. После объявления осадного положения в городе многие учреждения культуры стали готовить к эвакуации на Кавказ. Научную библиотеку тоже включили в их число. Софья Чопак еще не решила, будет ли она уезжать. Хотя эта наша встреча могла стать и последней.

Остаток дня я с удовольствием провела в дружном и гостеприимном семействе Чопак, в их квартире на улице Греческой, за скромным ужином. С 25 августа Исполком Одесского облсовета установил продажу печеного хлеба, сахара, крупы и жира по карточкам. Однако продолжал действовать знаменитый рынок на Привозе. Там пока еще продавалось все, что душе угодно, только цены выросли в два-три раза.

Вечер выдался тихим.

Артиллеристы лидера эсминцев «Ташкент» 29 августа подавили румынскую батарею, стрелявшую с позиций у Большого Аджалыкского лимана. До того она три дня вела прицельный огонь по городу, по морскому порту и его фарватеру, мешая кораблям Черноморского флота выгружать в порту маршевые батальоны, оружие, боеприпасы, продовольствие и снаряжение для осажденных советских войск. Кроме того, Приморская армия отбила очередной румынский штурм, хотя фашисты подошли к Одессе ближе: в Восточном секторе обороны – к поселку Фонтанка, в Западном секторе – к поселкам Фрейденталь и Красный Переселенец…

Рано утром я на попутном грузовике выехала из города по направлению к Куяльницкому и Большому Аджалыкскому лиманам. Командный пункт первого батальона располагался возле небольшого хутора. Я доложила капитану Сергиенко о прибытии в часть для дальнейшего прохождения службы. Завершила рапорт словами: «красноармеец Павличенко». Капитан улыбнулся:

– Ошибочку допустила, Людмила.

– Какую, товарищ капитан?

– Не красноармеец ты теперь, а ефрейтор. Поздравляю.

– Служу Советскому Союзу!

От радости хотелось закричать во весь голос: «Ур-ра!» Но следовало держаться солидно и сдержанно. Как-никак – первое армейское звание. Поступив добровольцем в РККА, я задумывалась о военной карьере, но не ожидала, что мое рвение и успехи в снайперской работе начальство оценит уже через полтора месяца. Впрочем, большие потери в наших войсках немало способствовали быстрому продвижению по служебной лестнице. Для тех, кто оставался в живых, конечно.

Разговор на КП продолжался, и я узнала, что за период моего лечения в госпитале в нашей второй роте произошли изменения. Во-первых, погиб командир моего взвода лейтенант Василий Ковтун, а вместе с ним – еще около тридцати человек. Произошло это во время кровопролитных боев 24, 25 и 26 августа около Куяльницкого лимана. Во-вторых, в полк недавно прибыло пополнение – моряки-добровольцы из Севастополя. Они горели желанием сразиться с врагом, но опыта пехотной службы не имели. Также к нам поступили и другие добровольцы – около сотни жителей Одессы.

– Я рад, что ты вернулась в полк, – сказал Иван Иванович Сергиенко. – Очень надеялся на это и даже приготовил подарки. Самый главный – новая снайперская винтовка системы Мосина вместо той, разбитой.

– Спасибо, товарищ капитан!

– Второй подарок попроще. Но полагаю, он тебе тоже понравится, – комбат протянул мне маленькую серую картонную коробочку, вроде тех, в которые упаковывают товары в «Военторге».

Я открыла ее. Там лежали два латунных треугольничка, знаки моего нового воинского звания. Требовалось прикрепить их на пустые малиновые петлицы воротника в самых верхних углах. Где бы я нашла таковые металлические штучки сейчас, в степи, простреливаемой насквозь, изрытой траншеями и окопами? Командир позаботился обо мне, и эта забота согревала сердце. Впрочем, капитан Сергиенко заботился не только обо мне, но и обо всех бойцах первого батальона. Он был очень опытный, деятельный, строгий офицер и справедливый человек. Когда подполковник Свидницкий выбыл из нашего 54-го полка по ранению, все мы ожидали, что должность командира вместе со званием «майор» (что следовало ему по выслуге) получит именно Сергиенко. Но начальство решило иначе и назначило к нам майора Н.М. Матусевича, имевшего солидный возраст, участвовавшего в Гражданской войне в качестве рядового бойца Первой Конной армии.

На КП батальона я прикрепила к своим петлицам треугольники и уже форменным ефрейтором отправилась на огневые рубежи второй роты. Сергиенко напутствовал меня словами о том, что надо бы и среди новобранцев отыскать людей, способных к снайперской науке. К сожалению, в окопах меня окликнули по имени лишь несколько бойцов из прежнего нашего состава. Остальные наблюдали за мной с любопытством. Моряки, до сего времени бороздившие водные пространства, даже не хотели переодеваться в униформу защитного цвета, снимать флотские бескозырки, темно-синие фланелевки, тельняшки, широкие черные брюки-клеш. Хорошие корабельные специалисты, они раньше-то и винтовок в руках не держали, слово «снайпер» им ни о чем не говорило. За короткий срок превратить мореходов в сверхметких стрелков – честное слово, задача нелегкая. Начали мы с того, что убедили их носить каски, гимнастерки, сапоги вместо ботинок…

Между тем командование Одесского оборонительного района ставило перед снайперами определенные цели: занимать выгодные для наблюдения и ведения огня позиции, не давать противнику покоя, лишить его возможности свободно передвигаться в ближайшем к линии фронта тылу, деморализовать. Ничего нового или необычного в этом не было. Но сам театр боевых действий: ровные, кое-где чуть всхолмленные, почти безлесные, с редкими населенными пунктами степи – предоставляли мало возможностей для устройства снайперских засад и до предела затрудняли маскировку. Требовалось искать какие-то иные методы успешной борьбы с захватчиками.

Решили устраивать засады подальше от нашего передового края, выносить их вперед, на нейтральную полосу, которая кое-где достигала 400–600 метров, то есть на максимально близкое расстояние к противнику. Делали это после тщательной разведки, в которую ходили сами, внимательно изучая местность, определяя ее пригодность для ведения прицельной стрельбы, прикидывая, каким образом можно будет потом покинуть засаду и вернуться в расположение своей воинской части.

Приведу в пример наш первый такой выход.

Все уже было разведано, и ночью мы отправились на задание втроем: боец с ручным пулеметом «Дегтярев пехотный» и пара – снайпер-истребитель (это – я) и снайпер-наблюдатель Петр Колокольцев. Противогазные сумки набили патронами, на пояс повесили гранаты. У каждого, кроме винтовки, был еще и пистолет «ТТ» (я отдаю предпочтение данному типу «огнестрелов» из-за мощного патрона). Идя в засаду, мы понимали, что не каждый выстрел

бывает последним для врага. Точность нашего огня будет зависеть от многих обстоятельств, нам порой и не подвластных.

Местом засады мы выбрали заросли довольно высокого и густого кустарника. Они имели вид ромба и простирались в длину метров на 150, в ширину метров на 12–15. Острый угол ромба вклинивался в оборонительную линию румын и заканчивался неглубоким оврагом во втором эшелоне противника. От первой линии окопов 54-го полка место засады отделяло расстояние метров в 600. Далековато, конечно. Но мы договорились с пулеметчиками, что они будут наблюдать за нами и по нашему сигналу (поднятая вверх малая саперная лопатка) прикроют наш отход огнем.

Выйдя из блиндажа после полуночи, мы преодолели расстояние до засады за час. Луна на безоблачном небе освещала окрестности, и все тропинки, неровности почвы, воронки от снарядов проступали отчетливо. Тихая, теплая, ласковая причерноморская ночь обнимала окрестности. Обе стороны не вели даже обычный, беспокоящий ружейно-пулеметный огонь. Кругом было так хорошо, так мирно! Лишь вероятная встреча с врагом в самом кустарнике портила нам настроение. Приходилось шагать с оглядкой, оружие держать наготове. Но оказалось, что румын в кустарнике нет. Почему они не заняли его, не разместили в нем хотя бы пост наблюдения, – мы не поняли. Однако я отношу сей факт к их цыганской безалаберности. Пунктуальные, расчетливые немцы учили-учили своих союзников современной войне, да не выучили.

Остаток ночи мы посвятили обустройству позиции. Вырыли окопы с небольшими брустверами, укрепили их камнями и дерном, положили на них винтовки, примерились, определили расстояния. Пулеметчик установил пулемет.

Светало. В пять часов утра в расположении противника началось движение. Солдаты ходили во весь рост, громко разговаривали, перекликались между собой. В шесть часов утра приехала полевая кухня. Стало еще оживленнее. Появились офицеры, которые крикливыми голосами отдавали приказы. В некотором отдалении, вероятно, находился какой-то санитарный пункт, и там мелькали белые халаты медиков, ясно для нас различимые.

В общем, мишеней обнаружилось много.

Мы распределили силы так: левый фланг – мой, правый – Петра Колокольцева. Наблюдение по центру вел пулеметчик. Мы ждали до 10 часов утра, изучая повадки врага, находящегося в удалении от переднего края, затем открыли огонь.

Румыны перепугались. Несколько минут они не могли определить, откуда ведется стрельба и метались из стороны в сторону, дикими воплями усиливая панику. Но расстояние у нас было измерено, прицелы выставлены. Практически каждая пуля находила свою цель. Примерно за двадцать минут я и Коломиец сделали по 17 выстрелов. Результат: у меня – 16 убитых, у Петра – 12. Пулеметчик, который должен был прикрывать нас в случае прямой атаки противника на нашу засаду, не стрелял, так как в этом не было нужды.

Опомнившись, фашисты открыли минометный и пулеметный огонь по зарослям кустарника. Однако они нас не видели и потому били неприцельно. Нам пришлось удирать. До своих позиций мы добрались благополучно, написали рапорт командиру полка и получили от него благодарность в приказе за смелые действия. Подумали и решили ночью опять пойти в засаду на то же самое место. Шли спокойно, не волновались, а придя к зарослям кустарника, встревожились не на шутку.

В первый день мы брали с собой воду в бутылках, а возвращаясь, бутылки с собой не унесли. Вместо трех оставленных нами бутылок с водой мы обнаружили шесть, и все – из-под сладкого вина. Бутылки заставили нас призадуматься: «Не уйти ли отсюда совсем?» Еще нашли мы два патрона и узкую борозду на траве от станкового пулемета «шварцлозе». След вел в сторону врага. Стало ясно: днем тут находилось румынское боевое охранение. Наконец-то они сообразили, что заросли – весьма уязвимое место на их переднем крае, но

ночью почему-то ушли. Вероятно, не ждали повторного нападения с одной и той же позиции. Мы обследовали наш участок снова, убедились, что все в порядке, и решили… остаться.

Огонь открыли в 12 часов дня. Повторилась вчерашняя картина: у меня – 10 убитых, из них – два офицера, у Петра Колокольцева – 8. На сей раз фашисты пришли в себя быстро и начали ответную стрельбу по кустарникам из двух пулеметов. Очереди ложились все ближе и ближе к нашим окопам. Мы прекратили огонь, отступили и незаметно передвинулись в сторону, подошли к пулеметчикам с фланга. С расстояния в сто метров сделали пять выстрелов из снайперских винтовок, уничтожив расчеты. Пулеметы понравились Петру: новенькие, так и блестят всеми своими частями. В общем, один пулемет мы утащили, замок от второго закопали в земле. Потом полковые разведчики по нашей наводке нашли его и взяли, как собственный трофей, вместе с пулеметом. Коробок с патронами к ним тут валялось предостаточно, и австрийские пулеметы еще послужили Красной армии.

Занимать это место под снайперскую засаду в третий раз было бы неразумно. Потому мы присмотрели новое: белый, наполовину разрушенный и покинутый жителями дом, который находился на той же нейтральной полосе метрах в четырехстах от зарослей кустарника. Заняв его, на следующий день мы с чердака наблюдали такую картину: в 7.30 утра румыны открыли по зарослям бешеный минометный огонь и безостановочно лупили по ним минут тридцать. Но ведь это тоже хорошо, когда враг тратит боезапас понапрасну…

За 26 румын, навсегда оставшихся в одесской степи (а общий мой счет приближался к шестидесяти пяти), никакой награды мне не полагалось. В первые месяцы войны не ждали мы никаких поощрений, больше думали о том, как защитить родную страну от остервенелых захватчиков. Позже, в 1943 году, после учреждения солдатского ордена Славы, третью и вторую его степень стали давать тем сверхметким стрелкам, кто уничтожил от 10 до 50–70 солдат и офицеров противника. Например, 14 девушек – выпускниц Центральной женской школы снайперской подготовки – удостоились подобных, двойных наград. Орден Славы всех степеней: третьей, второй и первой – получила только старшина Нина Павловна Петрова. Ее счет – более 120 гитлеровцев.

Так что при обороне Одессы в 54-м имени Степана Разина стрелковом полку не я стала самой знаменитой героиней, а пулеметчица Нина Онилова.

Сирота, выросшая в детском доме, потом работница какой-то фабрики в Одессе, двадцатилетняя Нина пришла к нам во второй половине августа 1941 года вместе с другими добровольцами жителями города – и сперва попала санинструктором в санитарную роту, но вскоре выпросилась в строевую часть, поскольку в учебной организации Осоавиахима изучала пулеметное дело. Ее зачислили в наш батальон, служила она в первой его роте. Разумеется, мы знали друг друга.

Однако, не будучи свидетелем ее подвигов, хочу обратиться к воспоминаниям тех участников обороны, кто видел Нину Онилову и на поле битвы, и вне его.

«Впервые о ней заговорили после боя у селения Гильдендорф, – пишет вице-адмирал Азаров. – В критический момент Нина вместе со вторым номером расчета красноармейцем Забродиным выкатила пулемет на открытое место и ударила по атакующему противнику. Огонь был меткий. Фашисты залегли, а потом те, кто остался жив, поспешили отползти к своим. Атака была отбита…»[5]

«Когда я вернулся к себе, то зашел начальник политотдела старший батальонный комиссар Н.А. Бердовский, – вспоминает генерал-лейтенант Т.К. Коломиец. – Вместе с ним – невысокая девушка в красноармейской форме. Перехватив мой вопросительный взгляд, Бердовский представляет ее:

[5] *Азаров И.И.* Осажденная Одесса. М., 1966. С. 81.

– Пулеметчица Разинского полка Нина Онилова. Во время обороны Одессы была ранена и эвакуирована в тыловой госпиталь. Теперь, говорит, поправилась…

Так вот она какая, эта Нина Онилова, прозванная “второй чапаевской Анкой” и перебившая уже сотни фашистов. На вид – совсем девчонка. Круглое загорелое лицо, смешливые глаза, обаятельна, немного смущенная улыбка…

В Приморской армии, наверное, не было бойца, который бы не слышал о ней…»[6]

Комсорг нашего полка Яков Васьковский описал действия доблестной Нины в своих мемуарах более подробно: «Очередная вражеская атака застала меня на КП первого батальона. Комбат Иван Иванович Сергиенко, наблюдавший за полем боя из щели, вдруг грозно закричал в телефонную трубку:

– Почему молчит пулемет на левом фланге? Немедленно проверьте. Если надо – сами стреляйте!

Это было адресовано командиру роты лейтенанту Ивану Гринцову. Тот побежал по траншее на левый фланг. Положение действительно было опасным. Заметив, очевидно, что огонь там слабее, атакующие фашисты начали сдвигаться к тому краю. А пулеметный расчет был новый, только что прибыл в батальон, и командир роты не успел познакомиться с людьми перед боем.

Добежав до пулеметчиков, Гринцов увидел: первый номер наклонился вперед и не двигается, а второй номер как ни в чем не бывало стоит позади.

– Далеко еще. Немного поближе пусть подойдут… – сказал пулеметчик, не оборачиваясь, совершенно спокойным тоном.

А до вражеской цепи – каких-нибудь семьдесят метров!..

Гринцов не выдержал, закричал:

– Да что ты делаешь? Они же сейчас забросают тебя гранатами! – он готов был оттолкнуть пулеметчика, чтобы самому открыть огонь.

Но в это мгновение пулемет заговорил. Солдаты противника скопились на узком участке. И первая же очередь скосила чуть не половину. Они были так близко, что и спрятаться уже некуда. Последние повалились метрах в тридцати от пулемета. В наших окопах кричали “ура!”. Такого действия пулеметного огня, кажется, еще никто в роте не видел.

– Молодчина! – воскликнул Гринцов. – Ты только посмотри, сколько там лежит фашистов! Ордена тебе мало!

Пулеметчик наконец повернулся к командиру роты, и тот увидел, что перед ним – девушка – загорелая, с круглым веселым лицом, по-мальчишески коротко стриженная… Скоро о пулеметчице Ониловой – “второй чапаевской Анке” – узнал весь полк, а затем и вся наша 25-я стрелковая дивизия…»[7]

Орден Красного Знамени Нина Онилова действительно получила. И довольно скоро, в декабре 1941 года, уже на позициях под Севастополем. Тогда по итогам одесской обороны в нашем славном, храбром полку, грудью заслонившем город и понесшим в боях с фашистами значительные потери, наградили орденами… десять человек.

Честно говоря, у нас далеко не все были в восторге от тактической находки Нины. Особенно нервничал капитан Сергиенко. Ведь Онилова занимала одно пулеметное гнездо, а он отвечал за передовую линию целого батальона. Вызвав к себе пулеметчицу, комбат похвалил ее за смелость, но предупредил, что стрельба с таких коротких дистанций при фронтальных атаках противника – очень большой риск. Мало того, что с фланга может прорваться какая-то отдельная группа и забросать ее гранатами. Сами станковые пулеметы «максим» в полку довольно старые, еще дореволюционного выпуска, их механизм при интенсивной нагрузке

[6] Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 205.

[7] Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 135.

нередко дает сбои, и тогда Нину, а вместе с ней и других бойцов, ничто не спасет. Это же не кинофильм «Чапаев», где белые никогда не добегут до красных. Это – настоящая война, и ситуации на поле боя складываются по-разному.

Потому Ониловой нечасто разрешали применять ее новаторский метод, заставляли точно соблюдать служебные инструкции. Однако данное обстоятельство значения уже не имело. Многотиражная газета 25-й дивизии «Красный боец», затем и другие военные издания опубликовали увлекательные рассказы о деяниях отважной девушки, а политработники, занимавшиеся в армии пропагандой, взяли на вооружение образ замечательной пулеметчицы, вдохновленной на подвиг романтическими героями Гражданской войны.

Ничего романтического в снайперском деле тогда никто не видел.

Во-первых, слово какое-то непонятное, иностранное – «sniper». Во-вторых, работа пулеметчика и пулемета действенная, выглядит гораздо интереснее, чем стрельба из засады. Протрещала очередь, и шеренга врагов тотчас валится на землю. То, что сверхметкий стрелок одним выстрелом снимет в наступающей цепи офицера, и атака захлебнется, так красиво не покажешь. В-третьих, сами снайперы. Ну что за люди? Молчаливые, необщительные, даже угрюмые. Рассказывать подробно о том, как именно охотятся за противником, не умеют (между прочим, не могут, давали подписку о неразглашении)…

В начале сентября 1941 года (кажется, числа 3–5) мы узнали, что наш полк, оставаясь в Восточном секторе Одесского оборонительного района, временно переходит в состав вновь формируемой стрелковой дивизии, которую сначала именовали «Первая Одесская», потом присвоили номер – 421. Вместе с нами там оказались наши старые знакомые: Первый полк морской пехоты под командованием полковника Я.И. Осипова, теперь – 1330-й, 26-й полк НКВД, теперь – 1331-й и усиленный бойцами из бывшего 82-го укрепрайона, а также – артполк, саперный батальон, пулеметный батальон и некоторые другие части. Должность комдива занял полковник Г.М. Коченов. Штаб ее находился в санатории «Куяльник», передовой КП – в селе Терновка. Дивизии предстояло держать фронт длиной в 17 км и противостоять двум румынским пехотным дивизиям полного состава. Их атаки мы отбивали весь день 6 сентября, а 7-го сами перешли в наступление. Румыны откатились на север на разных участках фронта на 0,5–2 км, оставив на поле примерно 700 убитых и тяжелораненых своих солдат и офицеров. Около двухсот человек попало к нам в плен, были захвачены орудия, минометы, пулеметы, автоматы и много боеприпасов.

На следующий день, 8 сентября, румыны обрушились на третий батальон нашего полка, который занимал позиции на перешейке между Хаджибейским и Куяльницким лиманами. Мы поспешили на помощь однополчанам и общими усилиями отразили вражескую атаку. Ожесточенные бои с сильной артиллерийской канонадой продолжались 9, 10, 11 сентября. Теперь вперед пробивались бывшие пограничники, люди отважные и дисциплинированные, ныне – 1331-й стрелковый полк. Они закрепились на рубеже: хутор Болгарка – деревня Августовка – северная окраина села Протопоповка.

При таких столкновениях, когда на ровном пространстве взаимодействуют большие массы войск, что делать снайперу? Ответ простой – вместе с другими бойцами занимать заранее подготовленные укрепления (они на этой территории имелись) и вести прицельный огонь из своего окопа. Тем более что враг наступает, не считаясь ни с какими потерями.

Здесь мне довелось наблюдать картину для Второй мировой войны почти фантастическую. Румыны устроили «психическую» атаку.

Сначала, как водится, минут двадцать гремел артналет. Советские солдаты и офицеры переждали его в хорошо оборудованных, глубоких блиндажах и траншеях. Большого урона 54-му полку он не причинил. Затем наступила тишина. Бойцы вернулись на свои позиции и стали всматриваться в даль. Там происходило что-то необычное.

До нас донеслись звуки бравурной музыки. Мы увидели, что пехотинцы в касках-макитрах не расходятся по степи, а наоборот, сбиваются в густые, тесные шеренги, становятся плечом к плечу и маршируют, как на параде, высоко поднимая ноги и в такт ритмичным ударам барабанов.

Где-то во второй или в третьей шеренге над головами солдат колыхалось знамя. Офицеры, соблюдая дистанцию и взяв обнаженные сабли на плечо, шагали в интервалах между шеренгами. На левом фланге двигался священник в полном парадном облачении. Его расшитая золотом, сверкающая под лучами яркого осеннего солнца риза смотрелась странно на фоне однообразного военного строя. Три церковные хоругви следом за ним несли румынские солдаты. Священник, как потом выяснилось, был украинец.

Не без удивления я рассматривала атакующих в бинокль. Они подходили все ближе и ближе. Вскоре стало очевидно, что солдаты пьяные. Не так уж строго они держали равнение, не так четко маршировали. Да и можно ли заставить трезвых людей выйти на абсолютно ровное, хорошо простреливаемое пространство, даже если они убеждены в своем расовом превосходстве над теми, кого собрались уничтожать?

Вероятно, уверенность в победе придавало им и другое обстоятельство: большое численное превосходство. На наш первый батальон, в котором оставалось человек четыреста, не больше, маршировал под громкую музыку военного оркестра пехотный полк мирного состава, то есть тысячи две штыков.

Расстояние неумолимо сокращалось.

Румыны подошли на 700 метров, и по ним нанесла первый удар наша минометная батарея. Фонтаны земли взметнулись к небу среди серовато-песочных шеренг. Их строй на некоторое время сломался. Однако оставив убитых за спиной, живые сомкнули ряды и продолжали наступление. По команде офицеров они ускорили шаг и взяли ружья «на руку». Лезвия примкнутых штыков блеснули в пыльной степной дали, как молния.

Я терпеливо ждала, когда первая шеренга противника поравняется с забором на краю кукурузного поля. «Карточку огня» я нарисовала загодя и разметила на ней расстояния. Забор от моего окопа отстоял на 600 метров, заросли «волчьей ягоды» – на 500 метров, одинокое дерево с обломанной кроной – на 400 метров. Теперь воины короля Михая Первого выходили, сами того не ведая, на дистанцию прямого выстрела.

А прямой снайперский выстрел – вещь совершенно удивительная!

При нем траектория пули не поднимается выше цели на всей дистанции стрельбы. Например, как в данном случае, взяв прицел «6» и точку прицеливания по каблукам марширующих солдат противника, можно стрелять без перенастройки оптического прицела. Враг получит пулю сначала в ногу, подойдя ближе – в живот, еще ближе – в трехстах метрах – в грудь, затем в голову. Далее, по мере приближения к снайперу, в обратном порядке – в грудь, в живот, в ногу.

Излюбленный способ стрельбы у меня к тому времени сложился: пуля либо в переносицу, либо в висок врага. Но глядя на марширующую под барабан пешую армаду, я думала, что в этой ситуации выстрел только в голову – непозволительная роскошь. Главное сейчас: стрелять, стрелять и стрелять. Лишь бы остановить «психическую» атаку пьяных, ничего не соображающих солдат, не дать румынам дойти до наших окопов. Ведь они, имея пятикратное численное превосходство, просто растопчут наш доблестный батальон, уничтожат всех моих боевых товарищей.

Но они не дошли…

Солнце садилось, освещая слабыми скользящими лучами притихшую ковыльную степь. Отступив, румыны унесли с собой раненых, но убитые (кажется, до трехсот человек) остались. Перешагивая через тела поверженных врагов, я вместе с лейтенантом Ворониным, который заменил выбывшего по ранению нашего прежнего комроты лейтенанта Любивого,

выискивала «своих» и отмечала их в книжке снайпера. Кроме меня, огонь успешно вели наши пулеметчики и другие стрелки второй роты. Патроны-то у всех одинаковые, винтовочные, калибра 7,62 мм. «Своими» я считала тех, кто имел пулевые отверстия в голове, шее, левой стороне груди. Таковых насчитала девятнадцать человек, из них – семь офицеры и унтер-офицеры.

– Вы специально целились по командирам? – спросил лейтенант.

– Да. Это предписывает инструкция.

– Отличный результат, Людмила.

– Служу Советскому Союзу!

– Они решились на «психическую» атаку, – задумчиво произнес Воронин. – Неужели людей ничуть не жалеют?

– Просто они считают нас слабаками.

– За час – две атаки. А теперь откатились на километр. Их не слышно и не видно.

– Неустойчивая румынская натура, – пошутила я. – Нападать, так скопом, с шумом и гамом. Если сразу победы не вышло, то убегать стремглав…

Лейтенант Андрей Александрович Воронин в 1939 году окончил Ленинградское пехотное Краснознаменное училище имени С.М. Кирова, до войны служил в Приволжском военном округе, в Одессу попал недавно с маршевым пополнением, фронтового опыта не имел. Он очень заинтересовался снайперской службой и расспрашивал о разных ее деталях. Намерение лейтенанта было меня наградить за меткую стрельбу внеочередным присвоением воинского звания, что он и исполнил. Я стала младшим сержантом и прониклась уважением к молодому офицеру. Он происходил из семьи коренных ленинградцев. Его отец, кандидат исторических наук, работал в Эрмитаже и хотел, чтобы сын продолжил это дело, но Андрей с детства мечтал о военной службе. Тем не менее историю он знал хорошо, и мы иногда разговаривали с ним о деяниях наших воинственных предков.

Новый приказ командира роты я постаралась исполнить как можно лучше.

Он поставил боевую задачу: уничтожить пулемет противника, который вел поистине убийственный и точный огонь со стороны селения Гильдендорф[8], не давая нашим, как говорится, и головы поднять.

В двадцатых числах сентября советское командование готовилось нанести в Восточном секторе удар по противнику силами 421-й и 157-й стрелковых дивизий. Последняя прибыла в Одессу из Новороссийска 17 сентября, имела численность более 12 тыс. человек личного состава и артиллерию: 24 пушки калибра 76 мм, 36 гаубиц калибра 152 мм с тремя боекомплектами[9]. Это было мощное подспорье, поскольку полки 421-й дивизии пушек почти не имели (три орудия на километр фронта против восьмидесяти у румын). Планировалось, что наступление поддержит наша авиация, береговые батареи 37-я и 38-я, а также корабли Черноморского флота огнем своих пушек. Селения Гильдендорф, Болгарка, Александровка, совхоз имени Ворошилова находились на направлении главного удара. Нашим двум батальонам 54-го полка вместе с пятью батальонами из 157-й стрелковой дивизии предстояло штурмовать Гильдендорф.

Перед этим мои однополчане выбили противника с кладбища, расположенного метрах в двухстах от южной оконечности села. На кладбище росли деревья: пять высоких кленов с раскидистыми кронами и толстыми пепельно-серыми стволами, неведомо как уцелевшие в жарких схватках, при бомбежках и артобстрелах.

Сложности, связанные с маскировкой в степи, отступили сами собой. Из книги «Бои в Финляндии» я знала, что в карельских лесах финские снайперы-«кукушки» вели прицель-

[8] Совр. село Красноселовка Коминтерновского района Одесской обл. (*Примеч. сост.*)

[9] *Азаров И.И.* Осажденная Одесса. М., 1966. С. 141, 143.

ный огонь по нашим войскам, спрятавшись среди веток могучих северных деревьев – сосен, елей, пихт. Почему бы мне не использовать этот опыт?

Лейтенант одобрил мой план.

Весь вечер я расшивала свою новую камуфляжную куртку с капюшоном зеленоватого цвета и коричневыми разводами. Старшина отдал мне обрывки маскировочных сетей и чью-то старую гимнастерку, которую я раскроила на ленты и кусочки небольшого размера. Разлохмаченная лента сгодилась, чтоб обернуть ствол «снайперки». Остальное вместе с кленовыми листьями, веточками и пучками травы я разместила на куртке, отчего она утратила прежний четкий силуэт и стала походить на одеяние лешего или болотной кикиморы.

За полтора часа до рассвета я отправилась на кладбище. Совсем не бедные люди – переселенцы из Германии – жили в деревне Гильдендорф. С немецкой аккуратностью обустроили они не только деревню, но и погост недалеко от нее: прямые дорожки, могилы с каменными надгробиями, решетчатые оградки. Деревья осеняли место вечного упокоения первого бургомистра Гильдендорфа почтенного Вильгельма Шмидта, умершего в 1899 году, о чем сообщала выбитая на мраморном монументе надпись. Поставив ноги на черную плиту, я стала забираться оттуда наверх по стволу могучего клена, склонявшегося над могильным памятником.

Снаряжение мое составляли лишь самые необходимые вещи: снайперская винтовка Мосина с прицелом «ПЕ», два подсумка на ремне, наполненные патронами с «легкими» пулями образца 1908 года и бронебойными пулями образца 1930 года с головками, окрашенными в черный цвет, так как я собиралась не только расстрелять пулеметчиков, но и вывести из строя их адскую машинку, фляга в суконном чехле, боевой нож «финка». Бинокль я не взяла, стальной шлем – тоже, поскольку слух после контузии стал хуже, и каска мешала воспринимать слабые звуки.

Перед восходом солнца подул ветер. Клен зашелестел листьями, но толстые ветки, расходившиеся в стороны от его могучего ствола, даже не покачнулись. Упираясь в них ногами, я удобно устроила винтовку на другой ветке примерно на уровне моих плеч и посмотрела в окуляр оптического прицела на деревню. Теперь ее улица, застроенная одноэтажными каменными домами, мельница, кирха, школа лежали передо мной, как на ладони. В саду, окружавшем большой полуразрушенный дом, я увидела универсальный немецкий пулемет «MG-34» на стойке-треноге и коробки с патронными лентами, разложенными возле него. У пулемета имелся оптический прицел. Так вот в чем был секрет его сокрушительного действия! Ну, зловредные фашистские псы, я вас сейчас проучу…

В седьмом часу утра сменилось боевое охранение. Однако солдаты с винтовками меня не интересовали. Я ждала пулеметчиков. Они появились позже. Три румына в кителях серовато-песочного цвета и своих кепи с забавной тульей, вытянутой углом спереди и сзади, появились позже. Сначала они занимались пулеметом, потом расселись под деревьями и стали лакомиться крупными золотисто-желтыми грушами «бере», кои во множестве валялись в саду под деревьями.

Я рассчитывала сделать три выстрела, не более. Причем один – в замок пулемета.

Вложив патрон с «легкой» пулей в канал ствола, я закрыла затвор и прильнула к оптическому прицелу. Цель – голова рослого солдата, сидевшего около треноги с «MG-34», находилась между трех черных линий – и, следовательно, до выстрела оставалось несколько секунд. Но вдруг в саду произошло какое-то движение. Пулеметчики вскочили, построились и замерли по стойке «смирно». Через минуту к ним подошли офицеры в фуражках. Наиболее интересно смотрелся один из них: сигара во рту, козырек фуражки с золотой полоской по краю, с правого плеча свешивается аксельбант, на боку – кожаный коричневый планшет, в руке – длинный хлыст. В целом – вид надменный и решительный.

Расстояние мне было известно: около двухсот метров. Ветер утих. Температура воздуха приближалась к двадцати пяти градусам тепла. Я взяла в прицел не солдата, а человека с аксельбантом, задержала дыхание, сосчитала про себя «двадцать два – двадцать два» и плавно нажала на спусковой крючок.

Выстрел румыны слышали.

Как не услышать его в пронзительной утренней тишине? Но вероятно, им в голову не сразу пришло, что работает снайпер. Адъютант (ведь аксельбанты – принадлежность их униформы), даже не вскрикнув, повалился набок. Они засуетились возле него, и совершенно напрасно, поскольку пуля попала в переносицу. Я успела перезарядить винтовку два раза, и оба пулеметчика тоже оказались на земле. Бронебойная пуля четвертого выстрела ударила по затвору «MG-34», выведя его из строя.

Противник опомнился и теперь вовсю лупил по кладбищу из минометов и винтовок. Вокруг меня свистели осколки мин и пули. Я прижалась к толстому стволу клена, но вскоре поняла, что он – плохая защита. Пять деревьев – не вековой карельский лес, в котором трудно что-либо разглядеть в вершинах сосен-исполинов. Куски горячего металла тут летали, подобно смертоносному рою, сбивая листья, разламывая тонкие ветки. Чувство страшной опасности оледенило сердце, но растерянности не вызвало. Это новобранец думает: «Такого со мной НЕ МОЖЕТ случиться». Солдат, побывавший под огнем, считает иначе: «Это МОЖЕТ со мной произойти, потому надо быть осторожнее». Тот, кто неоднократно видел смерть своих товарищей, осознает: «Это ДОЛЖНО со мной случиться. Но не случится, если только меня здесь не будет».

Следовало немедленно прыгать, хотя до земли – метра три. Чтобы не разбить дорогостоящую оптику, «снайперку» я повесила на сук, который торчал гораздо ниже, и ринулась вниз, имитируя собственную гибель. Упала неудачно, ударившись правым боком о чей-то могильный камень, и сама подняться не смогла из-за сильной боли. Воронин прислал солдат, и они помогли мне встать на ноги, довели до блиндажа.

В девять часов утра 21 сентября 1941 года началась наступательная операция. Ее предваряла длительная артиллерийская подготовка. От залпов советских орудий и минометов, казалось, сотрясается земля. Мои однополчане готовились к атаке на Гильдендорф, а я, страдая от боли в правом боку, лежала в блиндаже и размышляла о том, что в книге «Бои в Финляндии», конечно, писана правда, но все-таки, применяя чужой опыт, надо думать и своей головой, анализировать местные обстоятельства. Теперь вылазка на кладбище и стрельба с дерева представлялись мне форменной авантюрой. Но… Как гласит народная пословица, все хорошо, что хорошо кончается!

Где-то к одиннадцати часам противник был выбит из Гильдендорфа, а также из совхоза «Ильичевка». Румыны беспорядочно отводили войска на север, бросая на поле боя убитых и раненых, вооружение, боеприпасы. Наши начали осматривать захваченные позиции, нашли в деревенском саду раскуроченный немецкий пулемет, двух солдат и офицера с пробитыми головами возле него. Это был мой вклад в общую победу, и лейтенант Воронин признал, что я очень помогла второй роте.

Он приказал санинструктору Елене Палий, студентке второго курса Одесского мединститута, добровольно вступившей в РККА в августе, лечить меня, что дисциплинированная Лена исполняла с большой старательностью: давала болеутоляющие таблетки, ставила на печень холодные компрессы, кормила диетической пищей, то есть гречневой кашей, сваренной без жира. Но лучше, чем каша, помогли забота и внимание, которыми окружили меня однополчане в награду за приконченный вражеский пулемет. Они приносили гостинцы: сочные золотистые груши «бере» из сада, туалетное мыло и флакончики с одеколоном из отбитого у румын обоза.

Командир роты тоже навестил меня.

Лейтенант рассказал, что заносчивый человек с аксельбантом, подстреленный мной, оказался адъютантом самого диктатора Антонеску майором Георги Караджа. При нем нашли какие-то важные штабные бумаги, письма, фотографии и дневник. Майор писал о тяжелом моральном состоянии румынской армии, которая под Одессой столкнулась с яростным сопротивлением русских. Дневник передали в штаб Приморской армии, оттуда – в Москву, фрагменты из него опубликовала газета «Правда» в октябре 1941 года.

Память об истории с пятью кленами на кладбище у селения Гильдендорф осталась у меня в виде серебряного портсигара с искусной чеканкой и гравировкой на крышке, имевшей изображение красивой женщины в роскошной шляпе с бантами и перьями. Андрей Воронин в тот день преподнес мне его в качестве трофея, найденного при убитом румынском майоре. Я нажала на кнопку замка, портсигар открылся, и мы увидели плотно уложенные в нем тонкие длинные коричневые сигареты. Я предложила их лейтенанту. Он отказался:

– Я не курю. А вы давно курите, Людмила?

– Нет. На фронте научилась. Иногда помогает снять нервное напряжение.

– И часто оно бывает? – спросил командир роты.

– Обычно после охоты, когда противник уничтожен. Находясь в засаде, я не испытываю никаких чувств. Просто жду и думаю о том, что винтовка сработает без промаха.

– Думаете об оружии? – удивился лейтенант.

– Конечно. Оружие для снайпера – предмет почти сакральный…

Нашу беседу прервало появление Лены Палий. Она принесла три кружки с горячим чаем, щедро сдобренным медом (дар местных жителей доблестным бойцам РККА), и мы предались воспоминаниям о довоенной жизни. Андрей показал себя интересным собеседником и живо рассказывал нам об… Эрмитаже. Он любил этот музей, знал его коллекции, особенно – коллекцию скифского золота, изучением которой занимался его отец. Я в свою очередь рассказала, как после первого курса университета ездила на археологическую практику на раскопки около города Чернигова. Там при мне нашли железный сфероконический шлем X века, много наконечников стрел и копий, фрагменты кольчуг.

Жалею, что не могу нарисовать более подробный портрет командира второй роты Андрея Воронина. Недолго продолжалось мое с ним знакомство. Но он был ярким представителем того замечательного поколения молодежи, которое выросло в послереволюционные годы, училось в советских ВУЗах, потом проходило закалку в горниле Великой Отечественной войны. Истинные патриоты Родины, люди благородные, смелые, стойкие, они, не задумываясь, отдавали жизнь за ее свободу и независимость. Так поступил и Андрей. Должность командира роты он занимал чуть более месяца. Погиб в боях у деревни Татарка, поднимая бойцов в контратаку. Вражеская пуля пробила его сердце, и мы похоронили лейтенанта на сельском кладбище под красной фанерной звездой…

После победы, одержанной 21 и 22 сентября в Восточном секторе Одесского оборонительного района над частями румынской Четвертой армии, советское командование планировало нанести такой же мощный удар по противнику в Западном и Южном секторах. Мы получили приказ перебазироваться на линию: селение Дальник – Татарка – Болгарские хутора – и таким образом наконец воссоединиться с двумя другими батальонами 54-го стрелкового полка, заняв место в резерве 25-й Чапаевской дивизии. Путь наш пролегал через Одессу, и мы обрадовались, что увидим прекрасный черноморский город, который защищаем не щадя сил.

Картина совсем не порадовала. Сначала мы шли по Пересыпи. Там работала только электростанция, заводы стояли с разбитыми цехами и обрушенными трубами. Сам город тоже сильно пострадал от бомбежек и артобстрелов. Мы шагали по мостовой, а на тротуарах занимали места женщины и дети. Они держали в руках чайники, кувшины, ведра и поили нас водой, угощали папиросами (запомнилась их марки: «Киев» и «Литке»), говорили какие-то

приветственные, ласковые, ободряющие слова. Лишь потом мы узнали, что одесситы поделились с нами своим скудным водяным пайком, который составлял всего ведро воды на человека в сутки.

Затем на новом месте нам дали неделю на отдых, и меня вызвал к себе капитан Сергиенко. Он сообщил, что сейчас разобрался с донесениями командиров рот, проверил документы, и оказывается, мой снайперский счет – больше ста уничтоженных фашистов. Я подтвердила эти сведения. Комбат слегка пожурил меня за излишнюю скромность, мол, мне самой следовало напомнить ему о таком достижении. Я подумала про себя: «И что вышло бы? Десятки раз отчаянные храбрецы на моих глазах бросались с гранатами на румынские танки, отстреливались до последнего патрона в окопах, в рукопашных схватках штыками и прикладами отбивались от наседавшего на них противника. Кто из высокого начальства и когда оценил их подвиги? Но они нисколько тем не огорчались, ведь не за медали и ордена мы стоим здесь в голой степи под адским огнем…» Возможно, Иван Иванович как-то догадался о ходе моих мыслей. Он улыбнулся, сказал, что скоро все исправит, и мне предстоит поездка в штаб дивизии, в деревню Дальник. Я не очень-то ему поверила, ответила: «Слушаюсь, товарищ капитан!» – и забыла о нашем разговоре.

Но ехать все-таки пришлось.

Про нового командира нашей дивизии генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова я тогда ничего не знала, однако о том особо не печалилась. От комдива до командира отделения в пехотном полку, кем я стала с легкой руки лейтенанта Воронина, как говорится, «дистанция огромного размера». До младших ли сержантов генералам?

Адъютант Петрова пригласил меня войти. В комнате я увидела перед собой человека лет сорока пяти, выше среднего роста, худощавого, рыжеватого, с жесткой щеточкой усов над верхней губой, с лицом властным, умным, решительным. Он носил пенсне, по кителю у него пролегали плечевые ремни кавалерийской портупеи, потому что совсем недавно Петров командовал Первой кавалерийской дивизией, тоже сражавшейся под Одессой.

С первого взгляда он мне показался прирожденным военным, офицером из семьи офицеров. Лишь потом я выяснила, что происхождение у него самое пролетарское. Его отец был сапожником в городе Трубчевске, но сумел дать сыну образование. Сначала тот окончил гимназию, затем – Карачевскую учительскую семинарию и из нее в январе 1917 года попал в Алексеевское юнкерское училище в Москве.

Генерал посмотрел на меня спокойно, даже безучастно.

– Товарищ младший сержант, – сказал он низким хрипловатым голосом. – За успехи на фронте командование вручает вам именную снайперскую винтовку. Бейте фашистов без жалости.

Адъютант комдива подал мне новенькую винтовку «СВТ-40» с оптическим прицелом «ПУ», более коротким и легким, чем прицел «ПЕ». На металлической трубке виднелась красивая гравировка: «100. За первую сотню мл. с-ту Павличенко Л.М. от команд. 25-й див. Ген. м-ра Петрова И.Е.».

– Служу Советскому Союзу! – торжественно отрапортовала я, затем коснулась губами вороненого ствола, после того приставила винтовку к ноге.

Похоже, генерала удивил мой поступок. Но ведь это было не просто оружие, а награда, священный предмет, данный мне для священной войны и мести вероломному врагу. Петров шагнул вперед, я встретилась с его взглядом, внимательным и заинтересованным.

– Вы давно в армии, Людмила Михайловна? – спросил он.

– Никак нет, товарищ генерал-майор. Вступила добровольцем в конце июня.

– А до армии кем были?

– Училась в Киевском университете. Истфак, четвертый курс.

– Превосходно владеете винтовкой, – заметил Петров.

– С отличием закончила Снайперскую школу Осоавиахима там же, в Киеве, – четко доложила я.

– Украинка? – произнес он каким-то странным, недовольным тоном.

– Никак нет, товарищ генерал-майор! – быстро ответила я, ибо эти вопросы про национальность меня всегда раздражали. – Я – русская. Моя девичья фамилия – Белова. Павличенко – лишь по мужу.

– Просто удивительно, Людмила, – Петров прошелся по комнате. – Знавал я одного Белова Михаила Ивановича, но в пору Гражданской войны. Он был комиссаром в полку еще при Чапаеве. Отчаянной храбрости человек. Вместе с ним я получал орден Красного Знамени за атаку под Уфой и Белебеем. Разбили мы тогда беляков вдребезги!

– Это мой отец, товарищ генерал-майор.

– Знаменательная встреча! – сказал комдив и с веселой улыбкой повернулся ко мне. – Стало быть, семейные традиции живы. По-моему, вы на своего родителя похожи не только по характеру, но и по внешности.

– Все так говорят, товарищ генерал-майор…

Конечно, командира дивизии ждали неотложные дела, но дочь старого боевого товарища он счел нужным угостить чаем и расспросить о нашей семье, о жизни отца в мирное время, о моей службе в 54-м полку. Я отвечала коротко и четко, как подобает солдату.

– Не обижают они тебя? – спросил Петров, завершая разговор.

– Нет, Иван Ефимович. Относятся по-доброму, помогают, если нужно. Тем более что военную службу я люблю.

– Молодец, дочка! – на прощанье генерал крепко пожал мне руку.

Словно на крыльях, вернулась я в расположение первого батальона и сразу доложила капитану Сергиенко о подарке командования, похвасталась винтовкой с памятной надписью, но ничего не сказала о приватном разговоре с Петровым. Мне показалось, что личное знакомство с комдивом – не такое важное обстоятельство. Уж лучше оставаться сверхметким стрелком, чем прослыть среди однополчан девушкой, которой протежирует высокое начальство. Однако генерал-майор о нашей встрече не забыл. Через три дня из штаба дивизии пришел приказ о присвоении мне очередного воинского звания «сержант».

Глава 5
Бой у деревни Татарка

Чувствовалось по всему: готовится нечто весьма серьезное.

Боевые порядки нашей 25-й дивизии стали уплотнять. В полки пришло пополнение из маршевых рот, доставленных из Новороссийска по морю. Линию обороны длиной в 8 км рядом с нами заняли части доблестной 157-й дивизии, с которыми мы взаимодействовали в недавних боях за Гильдендорф, совхоз «Ильичевка», селения Фонтанка, Александровка, Болгарка. Прибыли два новых артполка с гаубицами и пушками. Увидели мы и танки: 35 боевых машин, в числе их не только самодельные, переделанные из тракторов одесские «НИ»(«На испуг»), но и стандартные армейские «БТ-7» и «Т-26». Вместе с танкистами, как это бывало на довоенных маневрах, к наступлению готовились и конники: Вторая кавалерийская дивизия. Наконец заговорили о том, что на позициях появилось новое, секретное пока оружие – смонтированные на шасси грузовиков «ЗИС-6» реактивные установки «БМ-13», привезенные в Одессу из Новороссийска в конце сентября. Они могли выпускать по 16 снарядов весом в 42,5 кг каждые 8—10 секунд. В них находилось жидкое взрывчатое вещество, отчего на месте падения такого снаряда горело все: и земля, и камни, и металл.

Утром 2 октября 1941 года наша военная армада пришла в действие. В Южном и Западном секторе по переднему краю противника нанес удар дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Небоженко, те самые ракетные установки, в армии прозванные «катюшами».

В первую минуту почудилось, будто приближается гроза, хотя небо оставалось чистым, без туч и облаков. Звук, напоминающий отдаленные раскаты грома, быстро перерос в оглушительный рев. Окрестность осветили яркие вспышки, над деревьями поднялись клубы дыма. С шипением и скрежетом огненные стрелы одна за другой понеслись в сторону врага. Мы увидели, как огромные желтые всполохи пламени охватили позиции румын западнее деревни Татарка и дальше, на юго-запад, у Болгарских хуторов.

К десяти часам утра пожары унялись.

«Чапаевцы» пошли в атаку. Слева от нас наступала Вторая кавалерийская дивизия. Поддерживая наступление, непрерывный огонь вели советские береговые батареи, два бронепоезда и гаубичный полк с орудиями калибра 152 мм. На прорыв двинулись танки. Они проутюжили окопы двух вражеских пулеметных батальонов, разогнали их солдат и устремились к поселку Ленинталь. Здесь держала оборону Пограничная дивизия королевства Румыния, войска отборные и опытные. Но после удара «катюш» они покатились назад…

Спотыкаясь, мы шли по черной, спекшейся от адского огня земле. Еще час назад она представляла собой укрепленные позиции румынского пулеметного батальона. Здесь были блиндажи, извилистые ходы сообщения, огневые точки. На поле вокруг росла высокая трава, кусты орешника, деревья яблони-дички. Все это превратилось в пепел. Мы видели немало обгоревших почти до костей трупов, и странный сладковатый запах уже смешивался с тяжелым духом гари. На разрушенных позициях кое-где торчали стволы выведенных из строя пулеметов: немецких «MG-34», устарелых австрийских «шварцлозе» и новых чешских «ZD-53».

Война – это смерть, боль, страдания миллионов людей.

Если же враг вероломно нарушает границы родной страны, то надо приготовиться к жесткому отпору. Надо выдержать это превращение: из мирных обитателей цветущих городов и деревень – в бойцов, не знающих страха и сомнения, способных к самоотречению, к тяготам длительной борьбы. Война показывает истинную сущность каждого человека.

Трусы и подлецы совершают на ней самые гнусные свои поступки. Но отважные, честные, добрые люди – великие подвиги…

За мной, одетые в плащ-палатки и каски, шагали солдаты моего отделения – всего десять человек. После того как генерал-майор Петров вручил мне именную винтовку, командир нашего полка Н.М. Матусевич пожелал, чтобы я по ускоренной программе немедленно подготовила группу стрелков, способных без промаха поражать противника. На мои слова о том, что сделать это за три-четыре дня невозможно, майор Матусевич великодушно дал мне… неделю, позволил отобрать из целого полка наиболее способных солдат и выдал 500 патронов с «легкими» пулями для упражнения в стрельбе по мишеням.

Пришлось вспоминать, как проводились занятия в нашей Снайперской школе в Киеве. Я постаралась взглянуть на новичков глазами своего Дорогого Учителя. Не нужны слишком уверенные в себе, слишком горячие и нетерпеливые по характеру. А глазомер проверить и вовсе нетрудно: вот тебе винтовка, вот пять патронов, вот мишень. Стреляй!

Однако я покривила бы душой, не вспомнив сейчас об одной особенности моего командирского опыта. Сначала будущие стрелки (из других рот) не знали, что сержант Павличенко – женщина, и отреагировали на первое мое появление перед строем, прямо скажем, своеобразно. Довольно резко, но без нецензурной брани, я одернула их и в дальнейшем применяла весьма крутые методы воздействия на ленивых, неряшливых, недалеких. На моей стороне была армейская дисциплина и субординация. Вскоре я убедила подчиненных в том, что народные поговорки вроде: «Курица – не птица, баба – не человек», «Бабья дорога – от печи до порога», «У баб волос – долог, ум – короток» – и прочие, равные им по смыслу глупости, здесь хождения не имеют. Я стреляю лучше всех, я много чего знаю про войну, и подчиняться мне следует беспрекословно.

Само собой разумеется, в группе определились солдаты, более способные к обучению и менее способные, но сумевшие освоить первые навыки, остальных я отправила обратно в их подразделения. Среди тех, кто смог стать настоящим снайпером, я бы выделила двух человек: Федора Седых, молодого охотника из Сибири, и казаха Азата Базарбаева, как ни странно – жителя города Саратова. Они оба от природы обладали отменным глазомером и нрав имели подходящий, очень спокойный. К несчастью, Базарбаев рано погиб, попав под минометный обстрел. Федор Седых воевал вместе со мной в Севастополе…

Пробираясь по выгоревшему полю, мы хмуро оглядывались вокруг. Потери и разрушения у румын нас почему-то не радовали. В таком ужасающем торжестве смерти над жизнью нет ничего приятного для глаз, даже если это – смерть заклятого врага. «Посмотреть и забыть!» – думала я, перешагивая через обрушившиеся траншеи, обходя тлеющие обломки блиндажей и ДОТов, почерневшие останки людей.

Через некоторое время на пространстве, искореженном залпами гвардейских минометов, обязательно начнется новое сражение. Генерал-майор Петров, ныне ставший командующим Приморской армии, неспроста остановил наступление наших войск именно здесь. Противник отошел всего на километр-полтора и сохранил огромное численное превосходство. На советские четыре дивизии у румын – восемнадцать дивизий.

На карте-трехверстке, которую показал мне капитан Сергиенко, высота 76,5 обозначалась как командный пункт вражеского пулеметного батальона, имевший название – «Хутор Кабаченко». Теперь противник покинул это место. Стратегически важным пунктом оставалась деревня Татарка[10], расположенная примерно в полукилометре от него. Деревня стояла на дороге, ведущей из города Овидеополя в Одессу, имевшей шоссейное покрытие, широкой и благоустроенной. Недалеко лежали и железнодорожные пути. Нашему 54-му полку предстояло ее оборонять. Но для начала следовало устроить передовые посты и пункты наблю-

[10] Совр. село Прилиманное Овидиопольского района Одесской обл. (*Примеч. сост.*)

дения. Для одного из них комбат и выбрал хутор Кабаченко. Три закрашенных квадратика указывали на жилье. В бинокль просматривалось одноэтажное строение под красной черепичной крышей, забор, большой сад, пологая возвышенность к юго-западу от дома. Оседлав ее, можно было наблюдать за дорогой и при вражеском наступлении вести прицельный огонь. Сергиенко приказал выдать нам по двести патронов каждому. Затем он попросил меня держаться там до последней возможности. Татарка считалась ближним пригородом Одессы (расстояние до города более 10 км) и сражаться за нее следовало отчаянно. Я приложила руку к каске:

– Слушаюсь, товарищ капитан!..

На подходе к хутору мы увидели почти полностью выгоревший грузовик и опрокинутый мотоцикл с коляской. Трупы солдат в касках-макитрах валялись и тут, но – по обочинам узкой грунтовой дороги, разбитой снарядами. Она вела прямо к воротам, распахнутым настежь. У самых ворот стоял двухтонный бронетранспортер «Малакса» с разорванной левой гусеницей. На прицепе у него находилась гусеничная же повозка с мешками, бочками, ящиками, большим брезентовым свертком. Как и хуторские постройки, бронетранспортер почти не пострадал от огня, только его экипаж отсутствовал. Оба полусферических броневых колпака были открыты, бензиновый двигатель еще сохранял тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.